

Вячеслав Жуков

На графских развалинах

КРИМИНАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

Вячеслав Владимирович Жуков

На графских развалинах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2805925

Аннотация

«Дождь, особенно затяжной, Николай Петрович Трубников невзлюбил с тех самых пор, когда служил на границе. И даже уйдя в запас, мнения своего не изменил, твердо веря, что именно в дождь случается много всего нехорошего. А случиться может чего угодно. Например, проезжавшая мимо машина может взять да и окатить с ног до головы грязной водой из лужи. А то и жди чего похуже. Вот, вчера вечером, гуляя со своей собачонкой, Николай Петрович стал свидетелем неприятного случая.

Обычно по вечерам да еще в дождь, Николай Петрович предпочитал выгуливать свою собаку недалеко от дома, но на этот раз Грей, так звали пса породы лайка, потянул хозяина к расположенному невдалеке скверу. Как будто черт его туда дернул. Потом Николай Петрович ругал себя. Надо было взять пса на короткий поводок и увести. А тогда... тогда он ни о чем таком и представить не мог...»

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	23
Глава 4	33
Глава 5	39
Глава 6	43
Глава 7	50
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Вячеслав Жуков

На графских развалинах

Глава 1

Дождь, особенно затяжной, Николай Петрович Трубников невзлюбил с тех самых пор, когда служил на границе. И даже уйдя в запас, мнения своего не изменил, твердо веря, что именно в дождь случается много всего нехорошего. А случиться может, чего угодно. Например, проезжавшая мимо машина, может взять да и окатить с ног до головы грязной водой из лужи. А то и жди чего похуже. Вот, вчера вечером, гуляя со своей собачонкой, Николай Петрович стал свидетелем неприятного случая.

Обычно по вечерам да еще в дождь, Николай Петрович предпочитал выгуливать свою собаку недалеко от дома, но на этот раз Грею, так звали пса породы лайка, потянул хозяина к расположенному недалеке скверу. Как будто черт его туда дернул. Потом Николай Петрович ругал себя. Надо было взять пса на короткий поводок и увести. А тогда... тогда он ни о чем таком и представить не мог.

Было около половины двенадцатого ночи. Прохожих на улице – никого. Это и понятно, какому дураку захочется шастать в такое время да еще под проливным дождем. И Николай Петрович бы ни за что носа не показал из дома, если бы не псина. Грею ведь выгуливать надо.

В гущу темного сквера лезть не хотелось. И вообще, сейчас у Николая Петровича возникло вдруг желание взять и отпустить Грею с поводка, и пусть бежит куда хочет. А самому поскорее вернуться домой. Но тут же он отвлекся от этих своих мыслей, потому что увидел выбежавшую из-за угла стоящего недалеко дома девушку. Она явно была либо пьяная, или же ненормальная. Потому что ни одна нормальная не выскочит под проливной дождь вот так в легкой кофточке, которая теперь оказалась насквозь промокшей, и сквозь нее просматривались груди. А еще на ней была надета до неприличия короткая юбка, едва прикрывавшая попку. Ну уж хотя бы зонт должен быть при ней, если уж не плащ. Но у нее не было ни зонта, ни плаща.

Николай Петрович подумал, что, скорее всего, девица выбежала из одного из ближних подъездов. Небось, пацаны решили поразвлечься групповухой, пригласили ее, а девочка оказалась несговорчивой, вырвалась и убежала. Во всяком случае, ему старику, до всего этого дела нет. И вышел он не разбирать чужие конфликты, а с конкретной целью – выгулять собаку. Поэтому, лучше от этой девицы держаться подальше. Еще неизвестно, что произойдет дальше. А дальше произошло вот что.

Резко остановившись, девушка завертела головой по сторонам, словно высматривая кого-то.

Николай Петрович отвернулся и уже хотел направиться к ближайшим кустам. К тому же Грею просто-таки вырывал из рук поводок, намереваясь затащить хозяина в гущу сквера. И Трубников хотел уступить собаке, но тут услышал за спиной голос, напоминавший вопль:

– Подождите! Прошу вас! Пожалуйста!

Кричала явно та самая девица.

Николай Петрович вздохнул. Вот принесла ее сюда нелегкая. Или его? Хотя какая теперь разница, кого из них принесло в одно и то же место и время.

Он нехотя обернулся и увидел, что девушка напрямки по лужам бежит к нему, что называется сломя голову.

– Пойдите! – прокричала она, подбегая.

– Стою, – ответил Трубников в ожидание того, что будет дальше. Не тот у него возраст, чтобы вот так вступать в отношения с ночными бабочками. А девицу эту он, как человек строгих правил, относил именно к таким, потому что все нормальные в столь позднее время дома сидят возле своих мужей.

– Прошу вас, помогите? – девушка заплакала. Причем, так искренне, что Трубников произнес:

– Понятно. Вам нужны деньги, чтобы добраться до дома? – он уже сунул руку в карман куртки, где у него лежала пачка сигарет и кошелек с пятьюдесятью рублями. Сам Николай Петрович не курил, но сигареты носил с собой. Вдруг кто спросит закурить. Не дашь, можешь по морде схлопотать. Однажды с ним уже такое было. Для того же лежал и кошелек в правом кармане. Если кому-то взбредет вечером его ограбить, он без сожаления отдаст этот полтинник вместе с кошельком, пусть подавятся.

Он уже готов был выложить девице полтинник, но та к немалому удивлению Трубникова, замотала головой.

– Домой я теперь уже не попаду.

Это становилось даже интересным. Но больший интерес у Николая Петровича вызвала сама девица. Она была симпатичная, стройная, вот только чем-то очень здорово напугана.

– Вот как? И почему же, позвольте вас спросить? – спросил Трубников, повнимательней приглядываясь к девице. Не помешало бы с такой провести ночь. По крайней мере, впечатления останутся незабываемые.

Из-за того самого угла дома, откуда минутой раньше выскочила девица, светанули фары автомобиля. Видно со двора выезжала машина. И девушка, боязливо оглянувшись, торопливо заговорила:

– Я хочу попросить вас...

– Чтобы я отвез вас домой? – попытался пошутить Трубников, но девушка отчаянно замотала головой.

– Нет, нет. Позвоните, пожалуйста, вот по этому номеру, – она достала из маленькой сумочки, висевшей у нее на плече, губную помаду и салфетку. Написала помадой на ней телефонный номер. – Скажите, что меня убили, – она сунула скомканную салфетку Трубникову в руку.

– Чего это вы, девушка, такое говорите? Как это убили? – опешил Трубников.

Машина уже выехала на проезжую часть улицы. Это была «Волга», как показалось Трубникову черного цвета. Она осветила фарами крайний к скверу дом, автобусную остановку, словно поочередно отсекая из темноты метр за метром улицы. И делала она это не просто так. Машина явно кого-то выискивала. И если уж не Трубникова, то...

Как будто догадавшись об этом же, девушка отскочила от Николая Петровича в сторону. Она словно нарочно подставлялась под свет фар, прокричав Трубникову:

– Уходите. Скорей спрячьтесь! – и побежала.

Трубников всем своим существом чувствовал, что сейчас тут должно произойти что-то недоброе, чему он непременно станет свидетелем. И чему не сможет помешать.

– Девушка! – крикнул он.

Она ответила не оборачиваясь.

– Уходите быстрее.

В это время Грей рванул из ослабевшей руки хозяина поводок, и вырвавшись, помчался в гущу сквера.

– Грей! Стой, – закричал Трубников, на миг позабыв про девицу и повернувшись, бросился за псом, и сейчас же то место, где он только что стоял с девушкой, осветили фары машины.

Трубников не обернулся. Он был уже в сквере, ломился как медведь через кусты, подзывая убежавшую собаку. И вздрогнул, когда услышал позади выстрелы. Один и второй.

Обхватив руками дерево, какое-то время стоял, прислушиваясь к рокоту отъезжавшей машины и понимая, что стреляли ни в него. Вряд ли те, кто сидел в машине, вообще заметили его. К тому моменту, когда машина подъехала к скверу, он уже забежал сюда. Стало быть...

Николаю Петровичу сделалось не по себе. Неужели, убили девушку? Схватив подбежавшую собаку за ошейник, Трубников нашарил в темноте поводок.

– Домой, Грей. Домой, – скомандовал Трубников, выходя из сквера и прислушиваясь к ударам сердца. Казалось, от нахлынувшего волнения оно вот-вот остановится. Пожалел, что не взял с собой валидол.

Дождь усилился. Крупные капли хлестали по асфальту и тут же высоко подпрыгивали, обдавая мелкими брызгами лицо.

Трубников вышел из сквера, и тут же почувствовал себя нехорошо.

– Ешкин кот, – проговорил он тихонько, увидев лежащую на асфальте девушку, попутно размышляя, стоит ли ему подходить к ней? – Не хватало на старости лет найти себе приключений на задницу, – произнес он тихо, но все-таки решил подойти. Раз уж он влез в это дерьмо, так стоит убедиться, а вдруг эта красотка жива. Вдруг ей требуется помощь? Бывает и после двух выстрелов, человек остается, всего лишь ранен. Может и она?..

Грей жалобно заскулил.

– Тихо, Грей. Замолчи, – прицыкнул Трубников на собаку.

Две пули попали девушке в грудь. Причем, одна угодила точно в сердце. Шансов выжить такой выстрел не оставляет, но Трубников все же решил для большей убедительности проверить пульс.

Наклонившись, потрогал артерию на шее, тут же поняв, что это пустое. Девушка была мертва. Но, глянув ей в лицо, Трубникову показалось, будто губы ее дрогнули, едва слышно прошептав:

– Позвони...

– Пошли, Грей, – Трубников дернул за поводок, хотя, возможно, этого и не требовалось. Пес сам побежал к дому и Трубников едва успевал за ним, хлюпая резиновыми сапогами по лужам.

Жена сидела в комнате, смотрела телевизор.

Трубников, скинув в прихожей мокрую куртку и сапоги, прошел в кухню. Достав бутылку водки и стограммовый стаканчик, налил его полный. И не заметил, как в кухне появилась жена.

– Ты что, Петрович? – удивленно спросила она, зная, что раньше за мужем такого не водилось. – Ночью водку пьешь? – осуждающе покачала головой строгая супруга.

– Да промок под дождем. Замерз. Как бы не заболеть, – соврал Трубников.

Жена отнеслась с пониманием.

– Ну раз так, то выпей, – сказала она, но второй стакан налить не дала. Как только Николай Петрович взялся за бутылку, она выхватила ее у мужа из руки, и поставила обратно в холодильник. – Хватит. Выпил чуток и ладно.

Николай Петрович вздохнул, но настаивать не стал. Хотя испытывал сейчас желание пропустить еще пару таких стопарей. В голове творилось черт те что. Ведь только что, почти можно сказать на его глазах, убили человека. Девушку. А он даже не смог ей ничем помочь. И теперь его мучила совесть. Надо было сразу позвонить в милицию, как только он вернулся домой. Он не позвонил. Потом уже, спустя час, а может и больше, рассказал все жене.

– Ну позвонишь ты, – рассудила супруга. – Начнут таскать тебя. А что ты видел? Ту девку? А кто убил ее, ты видел?

– Нет, – вздохнув, сказал Трубников. – Я же тебе сказал, что стоял за деревом. Проехала машина...

– Ну раз не видел, тогда и не звони никуда. Лучше ложись спать, – предложила жена, видя, что муж заметно нервничает. Она достала из холодильника бутылку с водкой и налив целый стакан, подвинула его Трубникову. – На-ка, лучше выпей и ложись.

Николай Петрович махнул стакан в два глотка. Посмотрел на Грею.

Пес лежал тут же в кухне на полу, положив морду на лапы и виноватыми глазами посматривал на хозяина.

Трубников взял с тарелки кусок колбасы, дал Грею, но тот не взял. Тихонько проскулив, отвернулся.

– Осуждаешь меня? – произнес Трубников и, поднявшись с табурета, пошел, но не в спальню, а в прихожую, где стоял телефон.

Жена отговаривать не стала. Знала, что не утерпит. Ну, раз надумал, пусть звонит. Сам будет отдуваться упрямец. Пожалеет еще. Она ушла в комнату, чтобы не мешать ему.

Трубников набрал ноль два. И когда услышал в трубке голос дежурного милиционера, назвал адрес, где час назад была убита девушка. Свою фамилию называть не стал. Когда дежурный спросил, кто звонит, Трубников сразу же положил трубку.

Теперь он в душе чувствовал некоторое облегчение, как человек, исполнивший свой гражданский долг. Вернувшись в кухню, уселся за стол.

Жена вошла следом, посматривая на него с сожалением. Вечно он вот такой, больше всех ему надо.

– Пусть приедут, – сказал он жене.

Та пожала плечами.

– Пусть. Если приедут, – несколько категорично заметила она, чем разозлила Трубникова.

– А почему это они не приедут. К ним на пульт поступил сигнал. Они обязаны его проверить. У нас на границе...

– Коля, – с сочувствием сказала жена, – тебе надо давно привыкнуть, что тут все не так как было там на границе. И между прочим, на границе вот так не убивали людей. А тут, что не день, то обязательно где-то кого-то убили. Что творится, один Бог знает, – притронулась она обеими руками к вискам, почувствовав головную боль.

– Если не приедут, тогда я им позвоню еще раз, – настойчиво проговорил Трубников.

Жена махнула рукой.

– Звони, – и вышла из кухни, предупредив, чтобы он больше к водке не притрагивался.

– Да не буду я, – пообещал Трубников, нетерпеливо поглядывая в окно и с минуты, на минуту ожидая приезда сотрудников милиции.

Так возле окна он простоял, по меньшей мере, час, пока не пришла жена.

– Хватит тебе торчать тут, – сказала она. – Ночь ведь. Все нормальные люди уже спят.

– Я... – попытался, было возразить Трубников, но жена возражения не приняла.

– Ты свое дело сделал. Позвонил им. А что еще надо? Может рюмкой водки их зазывать?

Отчасти супруга была права. Гражданский долг свой он выполнил. Сообщил о происшедшем убийстве как полагается, а то, что свою фамилию не назвал и своего адреса, так это извиняйте. Это уж его личное дело. А их дело – было выехать и проверить сигнал. Не приехали, как хотят.

Трубников посмотрел на часы.

Было два часа ночи. Грей и то не выдержал, ушел в коридор, где для него был постелен коврик, и, завалившись на нем, пес спал, свернувшись калачиком.

– Пойдем, Коля, – настойчиво произнесла жена, давая понять, что без него отсюда не уйдет.

Николай Петрович тоскливо посмотрел в окно.

Отсюда из окна их квартиры на третьем этаже, то место где убили девушку, было не видно, но видна проезжая часть улицы. И если бы милицейская машина проехала, он бы обязательно заметил ее.

Видя, что жена не собирается уходить, Трубников произнес довольно раздраженно:

– Ну, ладно. Пойдем. – И поплелся в спальню за супругой, про себя ругая нерасторопных ментов на чем свет стоит.

Утром он проснулся рано. Обычно Грея выводил на прогулку каждое утро ровно в шесть часов, и пес уже привык к такому распорядку. Поэтому когда Николай Петрович в пять утра появился в коридоре с поводком в руке, Грей оторопело уставился на хозяина, как бы говоря – ну ты даешь?!

Жена заворчала из спальни:

– Вот неймется тебе, старому дураку.

Трубников не ответил. Пристегнув поводок к ошейнику пса, силком поволок его к двери.

– Пойдем, Грей. Гулять надо.

Пес пошел за хозяином с неохотой.

Удивляло то спокойствие, которое царило на улице. Или тут в Москве к подобному давно привыкли. Ведь там лежит труп девушки. По тротуару уже топают первые прохожие, а вроде как будто бы ничего не произошло.

Оказавшись на улице, пес потянул Трубникова к скверу. Этой дорогой они ходили каждое утро и вечер. И пес безошибочно знал ее.

Зато Трубников шел так, словно оказался здесь первый раз. Он оглядывался по сторонам и не понимал, что происходит. Вот тут они с Греем переходили улицу. Вот здесь, возле сквера Трубников остановился, когда к нему подбежала девушка. Потом он ломанулся в сквер за собакой, а девушка осталась. Когда в нее выстрелили, она лежала тут на тротуаре. Но теперь...

Трубников не понимал, что происходит. Трупа не было.

Грей упрямо тянул его в сквер, но Трубников дернул за поводок.

– Да погоди ты. Делай свое дело тут. Тебе что, не все равно, под какое дерево ссать? – разозлился он на собаку.

Пес крутился под ногами, мешая Трубникову осмотреть то место, где лежала девушка. Николай Петрович отпихнул пса ногой в сторону.

– Отойди, – рывкнул он на собаку, осматриваясь в нерешительности. Вот ерунда, какая. Даже малейшего намека нет на то, что ночью здесь был кто-то убит. А может, и не было этого кошмара? Может, привиделось ему все?

Трубников стоял на обочине тротуара и смотрел в ту сторону, куда умчалась машина с теми, кто стрелял в девушку. Но ведь он еще пока не сошел с ума. Своими глазами видел, как все тут происходило.

– Грей, пошли домой, – дернул Трубников пса за поводок, поворачивая к дому.

– Ну что там, Коля? – спросила жена, догадываясь, что Трубников не утерпит и обязательно пойдет на то место.

– Погоди. Не мешай, – отмахнулся Николай Петрович, не желая пускаться в объяснения. Он открыл тумбочку. Там, среди вороха бумаг, отыскал газету, в которой было объявление о том, что главное управление уголовного розыска приглашает на работу молодых людей желающих стать настоящими сыщиками. Внизу давался телефон, по которому можно было позвонить.

С газетой в руках, Николай Петрович Трубников сел в кресло рядом с телефоном и набрал номер.

Ему ответил оперативный дежурный. Узнав о цели звонка, дежурный предложил Трубникову приехать к ним в управление и назвал адрес.

– Пропуск для вас выпишут, – сказал напоследок дежурный и, сославшись на занятость, переключился на другой звонок.

– И ты поедешь? – укоризненно покачала головой жена.

Николай Петрович был из тех людей, кто не привык отступать.

– А, кроме того, мне и самому интересно, – сказал он. – Я своими глазами видел убийство. Видел, как убили девушку. Там был ее труп. И вдруг его нету. Странно это.

– Ох, – вздохнула супруга. – Вот помни мое слово. Найдешь ты приключений.

Николай Петрович махнул рукой.

– Не каркай. Накаркаешь.

Глава 2

Николай Петрович Трубников был удивлен тому вниманию, с каким к нему отнеслись в главном управлении уголовного розыска.

– Вот что значит солидная организация, – сказал себе Трубников, проходя через проходную.

Как и обещал дежурный, пропуск для него уже был выписан. Дальше следовало войти в здание. Но блуждать по коридорам бывшему пограничнику долго не пришлось.

Стоило ему открыть дверь, как тут же перед ним появился высокий широкоплечий мужчина лет тридцати с небольшим, представившийся подполковником Тумановым.

– Пойдемте к нам в кабинет. Там и расскажите о том, что случилось, – приветливо предложил подполковник. Держался он так уверенно, что рядом с ним Николай Петрович почувствовал какое-то необъяснимое спокойствие. Такое разве что можно испытать, придя на исповедь к священнику. И Трубников дожидаться не стал, пока они придут в кабинет, начал объяснять все прямо тут в коридоре.

– Да понимаете, какая история со мной приключилась... – произнес запальчиво бывший пограничник и глянул на шедшего рядом Туманова.

Тот кивнул головой, давая понять, что внимательно слушает.

– Я с собакой гулял. Вдруг ко мне подбежала девушка... А потом – машина. И из этой машины в нее выстрелили. И ее убили. Понимаете, я сам видел, что она лежала на тротуаре. Кровь на груди. Я пришел домой и позвонил в милицию. Но они не приехали. А утром пораньше я пошел с собакой гулять, смотрю, а труп уже и нету. Хотя я почти всю ночь не спал и не слышал, чтобы подъезжала какая-то машина.

– Разберемся. Вы главное не волнуйтесь, а то еще пропустите что-нибудь важное, – попросил подполковник.

Трубников вздохнул. Он бы не волновался, если бы убийство произошло не на глазах у него.

В кабинете, куда его привел подполковник Туманов, сидели еще двое: один молодой, высокий здоровяк и рядом с ним невысокого роста черноглазый усач, похожий на цыгана. Этот усач что-то рассказывал молодому своему коллеге. Но стоило Трубникову с подполковником войти, как усатый сразу замолчал на полуслове, уставившись своими черными глазами на Николая Петровича.

– Вот Николай Петрович Трубников, – кивнул Федор Туманов на Трубникова, – утверждает, что был свидетелем убийства.

– Да. Был, – подтвердил Трубников. – Девушку убили, можно сказать на моих глазах.

– Николай Петрович выгуливал собаку и видел, как все произошло. А, придя домой, позвонил по телефону ноль два, но оттуда не выехали... – досказал за Трубникова подполковник Туманов.

Сам Трубников на это кивнул, тем самым, подтверждая, что все так и было, и никак не прокомментировал сказанное подполковником. Сейчас он даже засомневался, верят ли ему оперативники, или может, считают за чудака, способного выдумать и не такое. По крайней мере, глядя на их лица ничего невозможно было понять. Особенно по харе черноглазого усача, которого подполковник представил, как майора Грекова. Сидит майор с такой физиономией, будто вообще не замечает Трубникова, и не слушает, чего тот им говорит. Сидит и, покачивая ногой, думает о чем-то своем.

Наверное, только по этому черноглазый усач Николаю Петровичу показался не очень. Его молодой коллега, старший лейтенант Ваняшин, сидел за столом с авторучкой в руке, хотя пока и ничего не записывал.

– Ну что же, – сказал подполковник Туманов, когда Трубников закончил свое повторное объяснение. – Этот факт, о котором вы нам рассказали, мы, конечно, проверим. И если найдем ему подтверждение, будем разбираться.

Сказанное подполковником, Трубникову показалось скептическим.

– Пойдите. Так вы что, мне не верите? – завокнулся бывший пограничник.

– Понимаете, Николай Петрович, – сказал Туманов, поразмыслив, – допустим, что мы хотим вам верить. Но нужны конкретные подтверждения кроме слов.

– Подтверждения?.. Правильно, – воскликнул Трубников. – Вы сто раз правы. Как же я сразу-то забыл?

– А что такое? – спросил Туманов, видя, что Трубников засуетился.

– Сейчас... – Николай Петрович сунул руку в карман куртки, пошарил там и достал скомканную салфетку. Ту самую, на которой девушка губной помадой написала телефонный номер.

– Она спросила, есть ли у меня сотовый, и попросила позвонить...

– Чего ж вы не позвонили? – спросил майор Грек, пристально глянув в глаза Трубникову.

– Да из головы у меня вылетело. Все-таки, такое потрясение... – сказал Трубников в свое оправдание.

Грек кивнул, но тут же попросил Трубникова скосить глаза в сторону, отведя руку вверх и вниз, и даже пощелкал пальцами.

– Посмотрите-ка туда, гражданин, – сказал Грек.

Трубников посмотрел, как велел Грек, при этом сказав раздраженно:

– Да что вы, в самом деле. Как в кабинете у невропатолога. С психикой у меня все в порядке. Если надо, могу справку медицинскую принести.

Ваняшин взял у Трубникова скомканную салфетку, развернул ее.

Майор Грек брезгливо поморщился.

– Вы, гражданин, этой туалетной бумажкой какое место подтирали?

Видно в карман куртки попали капли дождя, и теперь мало того, что салфетка оказалась влажной, так губная помада на ней была размыта, и разобрать можно было лишь первые три цифры телефонного номера.

Трубников посмотрел с сожалением. Салфетка и в самом деле напоминала использованную туалетную бумагу. Но сказанное черноглазым майором он посчитал уж слишком, поэтому тут же произнес:

– Ничего я ей не подтирал.

– А чего ж тогда она у вас перепачкана в коричневом? – не унимался Грек.

– Да это конфетка шоколадная в кармане у меня лежала. Я для пса, Грея, беру. Ну видно от дождя и растаяла.

Грек кивнул.

– Тогда ясно. А я уж подумал...

– Не...е, – замотал головой Трубников.

На лице старлея Ваняшина отобразилось полное разочарование.

– Да тут ничего не разберешь, – сказал он.

– Что ж вы, гражданин, так халатно отнеслись к вещественному доказательству? – посоветовал Грек, взяв салфетку в руки.

Трубников безнадежно махнул рукой.

– Я ж говорю, из головы вылетело. Только и вспомнил про нее сейчас.

Грек кивнул и сказал Трубникову:

– Ладно. Вы пока подождите в коридоре, а мы тут небольшое совещание проведем, – посмотрел он на Федора Туманова.

Туманов не возражал.

– Хорошо. Подожду, – согласился Николай Петрович, начиная сомневаться. Может, права была супруга, говоря, что не стоило ему затевать эту возню. Ничего, никому не надо. Вон и этот усатый майор, хотя он здесь и не главный, но отнесся ко всему сказанному Николаем Петровичем с явным недоверием.

Едва за Трубниковым закрылась дверь, Грек сказал Туманову:

– Николаич, чего этот дедушка приперся к нам?

– Ну ты же слышал. Он пришел с устным заявлением о случившемся преступлении. Убийстве, – подчеркнул Туманов.

– Его устным заявлением даже зад не подотрешь, – насупился Грек. – У нас что, других дел нету, как его устную заяву проверять.

– Ничего не поделаешь, Саня. Работа у нас такая. Так что давайте, езжайте с Лешкой. Посмотрите все там, как следует. Потом позвоните мне.

– А...а, – с недовольством простонал Грек, в который раз сожалея, что связал себя с уголовным розыском, и, вставая, тут же напустился на Ваняшина: – Леш, тебе что особое приглашение надо, чтобы ты свою жопу поднял со стула.

– Да не надо мне ничего, – спокойно сказал Ваняшин.

– Слыхал, что сказал Николаич? Тогда вставай и вперед. – Выйдя в коридор, Грек сказал поджидавшему их Трубникову: – Сейчас мы поедем, и вы нам с лейтенантом Ваняшиным покажите то место, где была убита девушка. Ну и посмотрим, что там... – в голосе майора отсутствовала какая-либо определенность. Скорее, вынужденное обязательство.

Трубников с готовностью согласился.

* * *

– Ну и где это было? – спросил Грек, когда Ваняшин остановил машину возле сквера там, где указал ему Трубников.

Трубников первым вылез из машины.

– А вот тут все и было, – сказал он, стоя на обочине тротуара. – Вот тут я стоял. А она здесь.

– И вы своими глазами видели, как в нее стреляли? – не унимался Грек, осматривая пятачок асфальта, на котором со слов Трубникова лежала девушка.

Еще там, в кабинете оперативников Николай Петрович Трубников дал подробные объяснения, как и в чем, была одета девушка. Особых примет он не заметил. Симпатичная мордашка со слов бывшего пограничника была без изъянов. Хотя это все майора Грека не очень интересовало.

– А может, труп затолкали в багажник машины и увезли? – высказал Ваняшин предположение, которое Грека не очень-то убедило.

– Леша, нам меньше возни, – шепнул он Ваняшину, не понимая, чего тот так мечется в порыве отыскать убитую девушку. – Ладно, раз тебе так нейдет, иди по скверу прогуляйся. Погляди там, – сказал Грек своему молодому помощнику, и тут же обратился к Трубникову: – Значится так, гражданин Николай Петрович. Труп девушки на том месте, где указали вы, мы не нашли...

Трубников на это промолчал.

– Более того, – продолжил Грек, наблюдая за Ваняшиным, который вместо того, чтобы зайти в гущу сквера, поперся по траве вдоль тротуара метрах в трех от него. – Ну сами согласитесь, даже малейшего намека нет на то, что здесь кого-то убили, – сказал усатый майор Трубникову и заметив, что Ваняшин остановился и что-то рассматривает на земле, крикнул ему: – Леш, ты чего там нашел?

– Да вот, – указал Ваняшин пальцем в траву, – крышка канализационного люка... Грек с досады плюнул, покачав головой.

– Леш, ты ведь не сантехник, – напомнил он старлею о его профессии.

– Разумеется, – парировал Ваняшин, но упрямо остался при своем мнении. – Только крышка тут сдвинута немного в сторону. Такое впечатление, будто ее совсем недавно открывали. Может даже, наспех.

– Ну да. Такой умник как ты ее сдвигал. Делать ему было нечего, как тебе. Вот перемажешься в дерьме, тогда узнаешь, – попытался майор Грек все-таки переубедить упрямого своего помощника не лезть, куда не надо.

Но Ваняшин наклонился, ухватил обеими руками за край тяжелой крышки, и слегка приподняв ее, отодвинул в сторону. И тут же Грек с Трубниковым услышали его удивленный возглас:

– Ого!

Для Грека это послужило сигналом, чтобы не остаться в стороне. Он подбежал первым. Трубников за ним.

– Ну чего там, Леш? – спросил Грек, наклонившись и заглядывая в глубокий колодец из которого тянуло такой вонью, что майора чуть не стошнило.

На дне колодца в трубах, бурлила и клокотала какая-то дрянь. Грек не сомневался, что вонь исходила от этих труб, которые проржавели и подтекали. Но сейчас внимание усатого майора было всецело поглощено другим. Он увидел труп девушки валявшийся на этих трубах.

– Опаньки, – проговорил Грек.

– Вот, стало быть, она где, – оторопело произнес стоявший рядом Трубников.

Грек достал из кармана пиджака трубку мобильного, набрал номер телефона Федора Туманова.

– Николаич, хочу тебя обрадовать. Мы нашли ее, – сказал усатый майор в трубку, покосившись на Ваняшина. Про то, что не ранее как пару минут назад он отговаривал Ваняшина лезть в этот колодец, Грек умолчал, пустившись в объяснения:

– Тут в траве канализационный колодец, оказывается. Его вот так сразу и не заметишь с тротуара. Так девица в нем лежит.

Подполковник Туманов пообещал немедленно выехать на место и прихватить с собой следователя и криминалиста с фотографом.

* * *

– Помнится, Николай Петрович, вы говорили, что у девушки на плече была сумочка, когда она подбежала к вам? – уточнил Туманов, осматривая труп.

Трубников стоял с бледным лицом. Глядеть на убитую ему не доставляло большого удовольствия. Одно утешало, он оказался прав и ничего не выдумал с убийством девушки, как поначалу посчитал усатый майор Грек, думая, что у Трубникова не все в порядке с головой. Услышав вопрос подполковника Туманова по поводу сумочки, Николай Петрович кивнул.

– Да была. Я это хорошо запомнил. Из нее она достала салфетку и губную помаду, – сказал он.

– А теперь ее нету, – задумчиво произнес Туманов, наблюдая за действиями криминалистов дотошно осматривающих труп.

– Нету, – повторил Трубников и тут же добавил оживленно: – Но я вам сказал правду. Сумочка у нее была. Небольшая дамская сумочка. На плече. Я ее не сразу и заметил. Белого цвета.

Туманов на это ничего не сказал, скользнув взглядом по толпе любопытных, которых два здоровяка сержанта не пропускали за веревочное ограждение.

– Скажите, Николай Петрович, – обратился подполковник к Трубникову, – а раньше вы эту девицу тут не видели? Вы ведь живете неподалеку?

– Вон в том доме, – показал Трубников на девятиэтажный дом, стоящий от проезжей части улицы в каких-то тридцати метрах. – Но эту девушку я тут не видал. Признаться, поначалу даже принял за проститутку. Тут по вечерам такие девицы шастают. Полным полно.

– А потом ваше мнение о ней изменилось? – спросил Туманов.

– Ну не знаю... – без определенности ответил Трубников. – Вроде бы и не похожа она на проститутку. А там кто их разберет, – махнул он рукой.

Отчасти он был прав. Туманов и сам не раз убеждался, днем, кажущаяся неприступной девушка, вечером становилась сговорчивой жрицей любви, причем, не за самую высокую цену. Как было с убитой девушкой, оставалось только гадать.

– Кто из вас обнаружил этот колодец? – спросил подполковник у Грека с Ваняшиным, кивнув на открытую горловину канализационного колодца.

– Лешка, – немного с завистью сказал Грек. – Я бы мимо прошел, не заметил эту крышку в траве. А к чему ты, Николаич, об этом спросил? – решил поинтересоваться он у Туманова.

– Да к тому и спросил, что с тротуара да еще в такой траве эту крышку не заметно, – объяснил Федор Туманов.

Грек согласился.

– Еще как не заметно.

– Значит, отсюда следует что?... – подполковник не договорил, посмотрел на Грека. Но тот отмолчался, всего лишь захлопав своими черными глазами.

– Что тот, кто сбросил труп девушки сюда, знал об этом колодце, – досказал за Грека старлей Ваняшин.

– Правильно, – одобрил Федор Туманов. – И возможно, что убийца даже живет где-то по соседству с вами, Николай Петрович, в одном из ближайших домов. И не раз ходил тут по этому тротуару.

– Ну уж этого я не знаю, – развел руками Трубников. – Хотя, все может быть, – добавил он, после короткого раздумья. Ведь подполковник был прав: с тротуара крышка люка и в самом деле не видна.

– Жаль, документов при ней нет, – посетовал майор Грек, заметив тут же, что тогда не пришлось бы заниматься установлением личности убитой и тем самым терять драгоценное время. – А так теперь возись с ней, – проворчал он, покосившись на труп девушки.

– Не ворчи, Сан Саныч. Сам говорил, такая наша работа, – заметил на это Леха Ваняшин.

Грек сердито махнул рукой и ничего не ответил Ваняшину. Он был не в настроение. Подойдя к Федору Туманову, спросил:

– Ну, чего скажешь, Николаич?

– А чего тут можно сказать, если мы даже не знаем мотива преступления.

– Верно, – согласился Грек.

– Со слов Трубникова, девушка бежала от тех домов, – кивнул Туманов на стоящие неподалеку дома. – Возможно, проживала тут.

– Все, может быть, – согласно кивнул Грек, догадываясь, что последует за предположением подполковника. И к своему сожалению, не ошибся.

– Придется вам с Лешкой пошерстить тут.

– Николаич... – попытался заупрямиться Грек. Но переубедить подполковника ему не удалось.

– Надо, Саня. Опера – ноги кормят, – произнес Туманов ходившую среди сыщиков фразу, и отошел к фотографу, который усердно щелкал фотоаппаратом. Причем, делал это с таким удовольствием, будто убитая была непревзойденной фотомodelью, и ему предстояло ее запечатлеть в разных позах для обложки модного журнала. Для этого он подступал к ней с разных сторон и даже от удовольствия высунул кончик языка.

Грека сейчас фотограф не интересовал. В конце концов, здесь у каждого свои строго разграниченные обязанности. Сейчас Сан Саныча Грека заботило другое. На противоположной от сквера стороне, стояло несколько многоэтажек, и если как сказал Туманов, они с Ваняшиным будут совершать в них по квартирный обход, то по времени это займет дня три, не меньше. Об этом он не упустил сказать Лехе Ваняшину. Но старший лейтенант отнесся к этому вполне равнодушно.

– Раз надо, значит, будем, – ответил он.

Майор Грек взглянул на приятеля Леху сердито. Вот послал Бог помощника. Ему что, молодой, до восемнадцатого этажа бегом добежит. А какого Сан Санычу Греку. Об этом хотя бы кто подумал.

Когда труп девушки увезли, а толпа любопытных стала расходиться, подполковник Туманов взглянув с жалостью в приунывшую усатую физиономию Грека, сказал:

– Ладно. Я с вами.

Хотя для Сан Саныча Грека это заявление особой радости не принесло.

– Ну раз с нами, тогда пошли, – сказал на это Грек.

– А ты чего такой понурый? – поинтересовался Туманов у Грека.

Грек махнул рукой.

– Нет, этот Трубников хорош. Подкинул нам работенки, – возмутился он. – Кто убил девушку, он не видел. Говорит, проехала машина. А какая машина? Ни марки, ни цвета ее он не разглядел. Сказал, темного цвета. Ночью, под дождем и красная и зеленая, все покажутся темными. И как нам теперь искать эту машину?

Вопрос предназначался подполковнику Туманову, но тот не спешил на него отвечать, что не устраивало Грека. Какое-то время он шел молча рядом с Тумановым, потом спросил:

– Николаич, ты чего молчишь-то, как воды в рот набрал?

– А чего тут говорить? Во многом ты прав.

Грек на это хмыкнул.

– Еще бы я был не прав, – не без бахвальства заметил он.

– Но искать того, кто это сделал, нам все равно придется. Так что, хочешь или нет... – сказал Туманов.

– Да если хочешь знать, этот Трубников у меня не вызывает доверия, – добавил Грек, желая высказаться до конца.

– Это почему же? – удивленно спросил Ваняшин.

– Потому, что, по-моему, он хитроватый мужик и чего-то нам не договаривает.

– А чего? – не унимался Ваняшин.

– Это ты пойдешь у него спроси. Он, небось, сейчас со своей бабкой щишки рубает, а у меня с утра во рту маковой росинки не было, – захныкал Грек. – Анютка завтрак не приготовила. Пришлось на работу голодным идти.

– А...а, – понимающе кивнул Туманов. Теперь он догадался, отчего у Грека было такое плохое настроение. Не работаете ему на голодный желудок.

Ваняшин улыбнулся, глянув на идущего рядом усача, энергично размахивающего руками.

– Друг, Сан Саныч, – положил Ваняшин руку на плечо Греку. – Как ты знаешь, как относится к разряду запрещенных культур, – с улыбкой проговорил старлей.

Грек нахмурился.

– Да ну тебя, Лешка, с твоими подкольчиками. Достал уже на хер. И лапищу свою с меня убери. Понял? – скинул Грек руку Ваняшина со своего плеча. – Тоже мне умник. Нашел подставку.

– Значит, так, друзья мои, – сказал Федор Туманов, остановившись перед крайним к проезжей части домом. Ему почему-то казалось, что девушка если и выбежала из какого-то дома, то непременно из этого.

– А почему из этого, а не вон из того? – настойчиво спросил Грек, указав на другой дом.

– Молчи, – толкнул Ваняшин Грека в бок. – Если наш старшой говорит, то, стало быть, так и есть, – сказал он майору.

– Отвали, Леха, – огрызнулся Грек, уставившись на подполковника и настоятельно дожидаясь от того ответа.

– Потому, что этот дом находится ближе к дороге, – ответил Туманов.

– Понятно, – протянул Грек. Хотя на самом деле Сан Санычу было мало что понятно, но больше приставать к Туманову он не стал.

Остановившись перед домом, Федор распределил каждому по подъезду.

– Ваняшину – крайний слева. Ты, Грек, идешь в средний.

Себе подполковник взял крайний подъезд справа.

Дом был девятиэтажный, что, по мнению Грека, оказалось очень хорошо.

– Представляю, как бы ты карабкался на восемнадцатый этаж, – съязвил Ваняшин, кивнув на тот дом, который предлагал для обхода Грек.

– Ты обо мне не переживай, – надувшись, ответил Грек и деловито направился к подъезду.

Но из всех троих удача выпала лишь Федору Туманову. Стоило ему позвонить в первую попавшуюся квартиру на первом этаже, представиться и описать приметы девушки, как довольно еще молодая и привлекательная женщина припомнила странный случай, который произошел у них в подъезде позавчера ночью.

– Вы знаете, к нам в дверь вдруг кто-то позвонил, – сказала она. – Мы с мужем еще не спали. Обычно к нам так поздно никто не приходит. А тут звонок. Такой настойчивый. Муж, естественно, пошел и открыл дверь.

– И кто же к вам позвонил? – спросил Туманов.

Женщина изобразила на приятном личике крайнее удивление.

– Девушка, – сказала она. – Та самая, о которой вы спрашиваете.

Чтобы как-то подыграть ей, Туманов с удивлением хмыкнул, а женщина сказала:

– Представьте себе.

– Представляю, – сказал Туманов. – Только не могу понять, зачем она позвонила вам?

– Вот именно, – энергично проговорила женщина с явным неудовольствием. – Мы сначала сами не поняли. Так она позвонила к нам и к соседям и побежала на второй этаж. И там тоже звонила в двери. Сумасшедшая. Устроила в подъезде целый переполох.

– Значит, не только вас, но и соседей потревожила? – уточнил Туманов, предполагая, что если уж не здесь, то, возможно, от соседей удастся хоть что-то узнать стоящее.

Женщина махнула рукой.

– Потребовала, но вышли только мы и Дмитрий Михайлович из сто пятой квартиры.

– Дмитрий Михайлович, говорите? – задумчиво переспросил подполковник.

Женщина кивнула и тут же добавила:

– Она даже забежала к нему в квартире. Правда, недолго. Скажите, разве нормальная так бы поступила? Нет, у ней явно с головой не в порядке, – констатировала женщина.

Подполковник Туманов терпеливо выслушал ее, потом решил немедленно навеститься в сто пятую квартиру.

– Это прямо над нами. На втором этаже, – указала женщина наверх.

Хозяин сто пятой квартиры Дмитрий Михайлович долго и внимательно рассматривал удостоверение подполковника Туманова. Потом показал свое, следователя генеральной прокуратуры. При этом не забыв напомнить въевшуюся в его лексикон фразу: «Время сейчас такое, что за всеми только и гляди. А уж в документы, тем более».

Убедившись, что удостоверение у подполковника подлинное, Дмитрий Михайлович распахнул дверь, говоря Туманову:

– Входите.

Подполковник вошел.

В квартире кроме самого Дмитрия Михайловича Заславского была его жена, инвалидка, передвигающаяся по дому в коляске. На подполковника Туманова она глянула настороженно.

Заметив ее взгляд, Дмитрий Михайлович поспешил успокоить супругу:

– Не волнуйся. Это подполковник, из уголовного розыска.

Трудно сказать, подействовали ли его слова успокоительно, но напряжение с лица супруги не спало. Во всяком случае, так показалось Туманову. И колкий ее взгляд буквально пронзал Федора.

– Так я слушаю вас Федор...

– Николаевич, – подсказал Туманов.

– О чем вы меня хотите спросить? – спросил Заславский, пригласив Туманова пройти в кухню.

– Позавчера ночью к вам позвонила девушка... – начал подполковник.

Заславский догадался, махнул рукой, чтобы Туманов не продолжал.

– Ненормальная какая-то, – сказал он.

– Почему? – удивился Туманов.

– Потому что едва Митя открыл дверь, как она влетела к нам в квартиру, – проговорила супруга, подкатившая на своей коляске так тихо, что сидящий к ней спиной подполковник даже не услышал.

Туманов обернулся и поймал на себе пристальный взгляд женщины.

– Да. Это все так и было, – подтвердил Заславский.

– Но она как-то мотивировала свой поступок? – спросил Туманов. – Ведь согласитесь, ни с того ни с сего люди вот так в квартиру не забегают.

– В нашем прогнившем обществе случается и не такое, – сердито заметила супруга Заславского.

Заславский встал, подошел к ней.

– Дорогая, побудь пока в комнате. Дай нам с товарищем подполковником поговорить, – произнес он, выпроваживая жену, которая, кажется, на него рассердилась, что-то проворчала, но Заславский настойчиво добавил: – Не мешай нам. – Проводив супругу до комнаты, он закрыл за ней дверь, и вернувшись в кухню, сказал Туманову: – Извините. Жена у меня инвалидка. На этой почве у нее часто случаются неврозы. Ну и ворчит, конечно. Всегда чем-нибудь да недовольна. Поговорить нам нормально не даст. Пусть там побудет.

Федор равнодушно пожал плечами. Женщина и в самом деле выглядела издерганной, поэтому, возможно, Заславский поступил правильно, отправив ее в соседнюю комнату.

– Как вам будет угодно, – сказал Туманов. А Заславский вернулся к вопросу подполковника по поводу мотивировки столь странного поступка девушки.

– Она сказала, что за ней гонится какой-то псих и хочет ее изнасиловать.

– Вот как, – задумчиво произнес Туманов. На первый взгляд, все выглядело вполне банально. Несомненно, убитая была девушкой красивой, но убивать ее только за то, что она кому-то взяла и отказала в сексуальной утехе, это уж слишком.

– Да уж не знаю, как и что там у них было, – развел руками Заславский. – Я вышел на площадку, глянул вниз. Там возле двери и в самом деле кто-то стоял, но я толком не разглядел. Предложил ей вызвать милицию, но она отказалась. Побывала у нас минут десять, потом ушла. – Заславский замолчал, пытливым взглядом глянул Туманову в глаза, словно стараясь разгадать, о чем думает старший оперуполномоченный по особо важным делам. И тут же на его лице отобразилось разочарование, потому что ничего по глазам подполковника он понять не мог.

Туманов сидел на табуретке с отрешенным взглядом, и у Заславского сложилось впечатление, что подполковник его вовсе не слушает. А он так старательно тут распинался. Выходит зря. И вообще, кажется, что еще немного и этот Туманов и вовсе закроет глаза и уснет прямо сидя на табурете.

Подумав об этом, Заславский покачал головой. Ну и опер, этот подполковник, и за что только жалование получает из казны.

– Скажите, Дмитрий Михайлович, в течение этих десяти минут, пока она была у вас, она что-то говорила вам? Может быть, о себе что-то? – спросил Туманов.

Заславский отрицательно покачал головой.

– Ничего она не говорила. Села в прихожей на пуфик и молчала. Даже не рассказывала в подробностях, кто тот человек. Ну который хотел ее изнасиловать и бежал за ней. Я ж говорю, ненормальная какая-то. Как я только заговорил про милицию, она подхватила и к двери.

Федор Туманов посмотрел в окно.

– Вы не глядели в окно, когда она ушла? Ведь отсюда из этого окошка прекрасный обзор и хорошо видно, кто входит в подъезд и выходит.

– Правильно. Видно, – замялся Заславский. – Но я не глядел. Жена, знаете ли, почувствовала себя плохо. Попросила подать капле.

– Ну да, – вспомнил Туманов. – Ведь у нее невроз.

Заславский внимательно поглядел.

– И не только, – добавил он. – Еще у нее большое сердце. Ее нельзя беспокоить...

Туманов понимающе кивнул и для того, чтобы поточнее установить, о той ли девушке идет речь, попросил Заславского написать на листе бумаги объяснение, а в нем указать подробные ее приметы.

– Опишите ее с ног до головы, – предложил подполковник. – Как художник. Волосы, лицо, одежду... Возможно, какие-то детали, на которые вы обратили внимания.

– Да какие там детали... – Заславский призадумался. Могу только так сказать описать портрет в общих чертах, – сказал он, усаживаясь поудобней и беря в руку свою авторучку. От предложенной Тумановым авторучки, Заславский отказался. Не поленился, сходил в комнату и принес оттуда свою ручку, чем вызвал у подполковника короткую усмешку. Впрочем, сам Заславский этой усмешки не заметил. Он был слишком увлечен предстоящим описанием примет девушки. Еще не начиная писать, сказал:

– Красивая она. Но особых примет, там родинок или еще чего-то я у нее не заметил.

– Опишите ее такой, какой она вам показалась, – предложил подполковник.

Заславский вздохнул.

– Попробую. А скажите, о том, что она ко мне забежала, вы узнали от жильцов снизу? – спросил он.

Туманов посчитал, что врать бессмысленно, поэтому сказал:

– От них.

– Я так и думал. Не только меня, но и соседей потревожила, – произнес Заславский с недовольством и наконец-то принялся писать.

* * *

Закончив с обходом квартир, Федор Туманов вышел из подъезда и увидел своих доблестных помощников сидящих на скамейке напротив дома в тенечке под высоченным тополем. И если Леха Ваняшин слизывал мороженое, то усатый Грек с довольной улыбкой потягивал пиво из бутылки и при этом что-то рассказывал. Что касемо рассказов, то в этом Грек был непревзойденный мастер. Ваняшин слушая его заливался хохотом. Причем, оба вели себя так, будто совсем не замечали своего старшего.

Федор подошел, плюхнулся на скамейку рядом. И только после этого Грек замолчал.

– Сидим? – напустив на себя строгий вид, спросил Туманов, хотя вряд ли это подействовало на приятелей.

– А чего нам еще? – как будто удивился Грек.

– Неужели обошли всех жильцов с первого по девятые этажи? – попытался прояснить подполковник.

Грек махнул рукой.

– Да безнадега это, Николаич. Я вот до пятого этажа все квартиры обошел, а выше, извини. Не могу. Сердечко шалит.

– А пиво сосать у тебя сердечко не шалит? – спросил Туманов.

Грек надул щеки.

– Ну к чему уж так сразу переходить на личное? – обиделся он на Федора.

– А к тому. Ты какую по счету бутылку пьешь? – спросил Туманов. Хотя можно было и не спрашивать, достаточно всего лишь было глянуть на землю с торца скамейки. Там аккуратным рядком стояли три пустые бутылки из-под пива. Это свидетельствовало о том, что Грек сидит здесь уже давно.

– Вот, – показал усатый майор бутылку в руках, надеясь, что подполковник те пустые бутылки не заметил. Но он ошибся. Федор их заметил еще когда подходил.

– Неужели? – с долей ехидства усмехнулся Туманов и ногой пнул пустые бутылки. – А это чья батарея?

– Да мы тут с Лешкой, – начал было врать Грек, но Ваняшин возмутился:

– Чего ты с Лешкой?

Грек понял, что влип и начал выкручиваться как мог.

– Николаич, посмотри какая жара, – произнес он, сопя.

– Действительно, – согласился Туманов. – Сегодня и в самом деле, что-то жарковато. – Федор расстегнул пуговицу на рубашке.

Грек воспринял это как шаг в свою пользу, произнес плаксиво:

– А я, Николаич, на жаре долго без жидкости не могу.

– Ну взял бы минералки, а не пива.

Грек вздохнул и сделал такое проникновенное лицо, что не верить ему было просто нельзя.

– Не было минералки. Вот и пришлось взять пива. Ты лучше скажи, у тебя есть чего по этой девке? – спросил он у Туманова. – А то у нас с Лешкой голяк. Ничего.

– Ты сколько квартир обошел? – спросил Федор у Ваняшина.

Тот расправился с мороженым. Скомкал и бросил обертку под скамейку.

– Все квартиры в подъезде с первого по девятый этаж, – ответил Ваняшин и добавил: – Но дома находились не все жители. Кто-то на работе или еще где-то. В общем, из двадцати семи квартир побывал я только в восемнадцати.

– Ну и?..

– Ничего, – покачал головой Ваняшин. – Девушку с такими приметами никто здесь не видел.

– У меня такая же картина, – вздохнул Грек. – Зря только ноги обивал. Да еще на пятом этаже чуть собака не покусала. Хозяйка вывела эту сволочь на прогулку, а она как кинется на меня.

– Наверное, ты загляделся на ее хозяйку, – хихикнул Ваняшин.

Грек глянул на него.

– Сиди уж. Да и с какой стати я должен на нее заглядываться, если у меня Анютка есть. Она у меня во женщина, – усатый майор поднял толстый палец правой руки вверх.

Ваняшин засмеялся и отвернулся. А Грека это зацепило. Он нахмурился.

– Чего ты ржешь. Может в твоём понимании она и не такая уж красавица. Но для жизни она баба во, – он опять поднял свой толстый палец, едва ли не сунув его Ваняшину в нос.

– Так, хлопцы! – на этот раз уже на полном серьезе произнес Федор Туманов. – Вы, наверное, забыли, для чего мы здесь? Так я вам обоим напомним, что произошло убийство девушки. И вам надо раскрывать его, а не выяснять отношения.

– А чего этот Ваняшин лезет в мою душу своими грязными лапами... – огрызнулся Грек.

– Все. Хватит, – довольно резко сказал подполковник Туманов. Уже давно понял, что иногда в общении со своими подчиненными следует быть строже, а то на шею сядут.

Грек замолчал, обиженно поджав губы. Ваняшин с равнодушным видом поглядывал на двух парней, которые что-то не поделили и задирались друг на друга. Но для настоящей драки им чего-то не хватало. Кажется, он знал чего.

– Вот в этом подъезде, на втором этаже, – указал Федор Туманов на тот подъезд, в который только что ходил, – живет некто Заславский.

Грека пока сказанное Тумановым не взяло и потому лицо его выражало полную скуку.

– Так вот в тот вечер, перед тем как девушка была убита, она забежала к этому Заславскому в квартиру.

– Ну да? – Грек захлопал своими глазенками.

– Благословения что ли на тот свет получить?

– Мелешь сам не знаешь чего, – строго заметил на это Туманов.

– Ну, а чего в таком случае ей к нему было забегать? – еще не отойдя от обиды на Ваняшина, сердито произнес Грек.

– Между прочим, этот Заславский следователь генеральной прокуратуры. Так вот он утверждает, будто девушка сказала ему, что ее преследуют и хотят изнасиловать, – сказал Туманов.

Грек недоверчиво покачал головой.

– Вот значит как. Кому-то не дала, и он ее жажнул, – рубанул он рукой по скамейке. И при этом усач усмехнулся.

Федор Туманов понял иронию Грека как надо. Сам в этом сомневался. Да и когда такое было, чтобы в женщину стреляли из пистолета за сексуальный отказ.

Но старший лейтенант Ваняшин придерживался во всем этом своего мнения.

– А почему бы и нет? Может она путалась с каким-нибудь бандюком.

– Да ну тебя, Лешка, – окончательно рассердился на Ваняшина Грек. – Вечно ты все с ног на голову переворачиваешь.

– Потому и переворачиваю, что другой версии у нас пока нет, – с возмущением произнес Ваняшин.

Федор Туманов со своим молодым помощником спорить не стал. Да и Грек это делал всего лишь из-за принципиальности. Не хотелось, чтобы молодой старлей воспринимал себя

умней всех и в частности, его, майора Александра Александровича Грекова. Поэтому считал, что такого, как Ваняшин при каждом удобном случае надо ставить на место.

Да и по мнению подполковника Туманова, старший лейтенант сейчас был не совсем прав, говоря, что другой версии у них пока нет.

– Кое-что, друзья мои, у нас все-таки есть, – улыбнулся Туманов.

Грек с Ваняшиным уставились на него. Ваняшин промолчал, а нетерпеливый Грек не упустил спросить с усмешечкой:

– А что у нас есть, Николаич? Пара объяснений: Трубникова, да этого следака, к которому девка заскочила?

– И еще, – Федор достал из кармана пиджака салфетку. Ее операм передал Трубников, утверждая, что девушка написала на ней губной помадой номер и просила позвонить по нему. Салфетка была вся перепачкана шоколадной конфетой и поэтому имела неприятный вид. Лично Греку лишний раз ее даже в руки неприятно было брать.

– Ну и что? Три цифры телефонного номера. Подумаешь, – Грек сделал кислую физиономию. – Если бы там был записан весь номер целиком.

– А ты приглядиись внимательно, – посоветовал Туманов.

Грек глянул.

– А чего мне глядеть? – спросил он с недовольной усмешкой.

– Внимательно смотришь? – настойчиво произнес Туманов.

– Да лучше уж некуда, – отмахнулся Грек, не понимая, к чему Туманов затеял этот разговор. Внимательно, невнимательно, как детишки в песочнице.

– Эта салфетка из ресторана «Орион», – сказал подполковник и этим слегка удивил Грека. Тот даже спросил:

– А как это ты узнал?

– Я же тебе сказал, смотри внимательно, – Туманов поднял салфетку на уровне глаз, отгородившись ею от солнышка, и тут же Грек увидел едва проступающие на салфетке буквы.

– Черт возьми, – несколько обескуражено произнес он. – Здорово ты это... Смотри-ка, – толкнул он локтем Ваняшина в бок. – И вправду – «Орион». Ну ты даешь, Николаич.

– Да ладно тебе, – махнул рукой Федор, помолчал, а потом сказал: – Теперь надо сгонять в этот ресторан. Наверняка, убитая была там. И возможно даже в этот вечер, когда ее убили, – заключил Туманов и первым встал со скамейки.

Свою машину опера оставили с торца дома. Первым к ней шел Туманов. За ним семенил Грек, на ходу допивая пиво. Леха Ваняшин шел последним. Проходя мимо парней, которые как два бойцовых петуха насакивали друг на друга, бестолково размахивая руками, Ваняшин приостановился.

– Ну вы чего, друг другу нормально морды расквасить не можете?

Парни, кажется, забыли о недавней ссоре, недобро уставились на нахала, который посмел вмешаться в их отношения.

– Тебе чего, козел, надо? – подступил к Ваняшину один из них с бицепсами качка.

Леха вздохнул.

– Наверное, ты в школе был отъявленным грубияном, – произнес он с сожалением за пробелы в воспитание качка, испытывая желание немедленно надрать хлопцу уши. Но тот уже и сам почувствовал интерес к драке. Сжав кулак, намахнулся.

– Ты у меня сейчас в пятак получишь, – прорычал он, набычившись, воодушевленный тем, что его приятель, с которым они не поделили бутылку водки, не остался в стороне и тоже готов вступить.

Топая за Тумановым, майор Грек заметил, что Леха Ваняшин приотстал. Обернулся и увидел, оба парня, скорчившись, сидят прямо на тротуаре, а Ваняшин рысцой скачет за ним и Тумановым.

– Ты что ли их толкнул? – спросил Грек.

Того апперкота, который провел Ваняшин, он не видел, а то бы позавидовал.

– Да я их пальцем не трогал, – соврал Ваняшин.

Грек прищурился, ничего не сказал, но глянул на приятеля Леху с недоверием, зная его страсть. А их у Ваняшина было три. Первая – это девушки. Такой, как их старлей ни одну юбку не пропустит. Вторая – быстрая езда. А третья – помахать кулаками. Вот только сан Саныч не знал, какая из них является пороком. Вроде, как бы для настоящего опера, эти все три страсти годятся.

– У, чертяка. Весь в меня, – не то похвалил, не то осудил Грек старлея, который уже запрыгнул за руль милицейской «Волги».

Глава 3

– Говорю вам, надо спросить у швейцара, – принципиально настаивал на своем Грек. – Не послушаете меня, многое потеряете. Если та девка тут бывала, то мимо швейцара уж никак не прошла бы не замеченной.

– Николаич, вообще-то, Грек дело говорит, – поддержал усатого майора Леха Ваняшин.

– А я всегда по делу говорю, – с долей бахвальства произнес Грек и добавил, скосив глаза на Туманова: – Жаль, вот только Николаич это не всегда понимает.

– Саня, не ворчи, – заметил на это Федор Туманов, сожалея, что у них нет фотографии убитой. Прошло немного времени и фоторобот еще не готов. Сейчас бы ее фотка пригодилась.

Швейцар, выслушав подполковника Туманова, призадумался. И возможно, ни за что бы не вспомнил девушку, не будь она красавицей.

– В чем говорите, она была одета? – спросил он у Туманова.

На этот раз за подполковника ему ответил Грек и так расписал, в чем была одета убитая, что швейцар без особого труда вспомнил ее.

– Да, – сказал он. – Была такая у нас.

– Когда она была в вашем ресторане в последний раз? – спросил Ваняшин. И произошло это в тот момент, когда Грек только открыл рот. Но задать свой вопрос усатый майор не успел и прошипел с недовольством Туманову:

– Вот умник какой. Из кожи вон лезет, – кивнул он на Ваняшина.

Федор улыбнулся, но ничего не сказал.

– Да она и была-то у нас всего раза три. Вот позавчера была. Сегодня у нас... – швейцар наморщил лоб, припоминая число.

Ваняшин помог ему:

– Двадцать пятое июля.

– Ну, правильно. Двадцать пятое. А она была позавчера – двадцать третьего.

– А вчера не приходила? – спросил Ваняшин.

Швейцар отрицательно помотал головой.

– Нет.

Грек стоял и обиженно поглядывал на Ваняшина, что-то нашептывая себе под нос. Ему очень не понравилось, что молодой лейтенант вылез со своими вопросами, оттеснив его, майора, на второй план. Он посмотрел на Туманова, хотел сделать очередное свое замечание по поводу Ваняшина, но промолчал, потому что подполковник сказал швейцару:

– А теперь, постарайтесь припомнить поточнее, это очень важно. В тот вечер, двадцать третьего, эта девушка, во сколько ушла из ресторана и с кем?

– Во сколько ушла?.. – повторил швейцар, пошкрябав затылок. Вспоминал он недолго. – Да около половины одиннадцатого. Ну да. Перед ней как раз вышел наш администратор, Виктор Семенович. Он каждый раз уходит примерно в это время. А за ним следом и эта девушка вышла.

– Виктор Семенович? – проговорил Туманов В голосе прозвучала некая подозрительность, которая у швейцара ничего кроме улыбки вызвать не могла. И он махнул рукой.

– Наш администратор к этой девушке никакого отношения не имеет. Я видел как он сел в свою машину и уехал. А она взяла такси. А вот с кем она в ресторане была, сказать не берусь. Я ведь тут стою. В зал не захожу. Не велено.

– Понятно, – сказал Туманов. На всякий случай, он послал Грека с Ваняшиным, чтобы те пообщались с официантами по поводу девушки. Уточнили некоторые детали. А сам, чтобы не тратить время впустую, спросил у швейцара:

– Вы сказали, что эта девушка была у вас раза три?

Швейцар кивнул. Одет он был в довольно странную форму и напоминал в ней скорее шута, чем степенного швейцара, в должность которого входит радушно встречать и провожать гостей ресторана. На голове у него был одет расшитый золотыми узорами цилиндр, который то и дело сползал набок. И кивая головой, швейцар поддерживал свой цилиндр рукой, как будто намереваясь снять его, чтобы отвесить поклон.

– Ну да. Так и есть, – сказал швейцар. – Мне ли ее не заметить. Если, конечно, мы с вами говорим о той, кто вас интересует, – предупредил он.

Туманов почему-то не сомневался, что так оно и есть и говорят они как раз об убитой. Разумеется, когда будут готовы фотографии убитой, их предъявят швейцару для более точного опознания. А пока приходится обходиться приметам изложенными на бумаге.

– И что же, в те разы она тоже приходила к вам в ресторан одна?

– Да, нет, – почесал переносицу швейцар. – Первый раз с мужиком. Такой из себя представительный. Одет с иголочки. И денег видно полно. Направо, налево сотки раскидывал. А мне так и вовсе «пятикатку» дал, когда уходил. Жаль, больше не появляется у нас. А второй раз приходила с молодым человеком. Такой здоровяк, – швейцар раздвинул руки, приподняв их на уровне плеч. – У него шрам вот тут, над левой бровью. Так вот тогда она с ним сидела.

– В тот раз она с ним ушла отсюда?

Швейцар кивнул, и чуть не уронил свой цилиндр, но вовремя поймал.

– С ним. Они приехали сюда на такси. На чем уехали, я не обратил внимания. Но больше я этого парня в нашем ресторане не видел.

Поблагодарив швейцара, Федор вышел на улицу и, отойдя чуть в сторону от входа, достал пачку сигарет и закурил, глянув на окно зала, за которым бурлила веселая жизнь. Судя по маркам дорогих авто, стоящих перед входом, публика здесь собралась не бедная, и Туманов вспомнил про Грека, который собирался перекусить здесь. С его ли зарплатой здесь кусать. Если только как Буратино, заказать корочку хлеба? Подполковник усмехнулся.

Ваняшин с Греком долго не задержались. И если старлей выглядел внешне спокойным, то уса́тый Грек возмущался:

– Николаич, ну я тебе скажу в этом ресторане цены. Мрак. Коржик несчастный не купишь.

Федор хмыкнул.

– А ты что думал? Что для тебя сделают пятидесяти процентную скидку? Ладно, ну их к лешему с их ценами. Давайте по существу. Чего узнали про убитую? – спросил Туманов.

– Кто она, откуда и как звать, этого никто не знает. Швейцар сказал правду. Приходила она сюда раза три. И вот чего интересно, – Греку хотелось придать своим словам побольше интриги. – Как-то раз она зашла сюда не одна, а с парнем...

– И у него над левой бровью шрам? – улыбнувшись, спросил Туманов.

Грек понял, что с интригой у него не получится. Вздохнул.

– Швейцар уже тебе рассказал?

Федор кивнул, потом сказал:

– На завтра я швейцара вызвал к нам. Надо будет, чтобы он посмотрел на фотографии убитой, а заодно сделать фоторобот того парня. Возможно, так мы его скорей отыщем. И будет у нас хоть что-то, чем вообще ничего.

– Это верно, – согласился Грек, тоскливо оглядываясь на светящиеся окна ресторана.

– Ты чего? – спросил Ваняшин.

– Да насмотрелся на это изобилие и жрать захотел. Может, в кафешку заскочим. Перекусим да по пивку возьмем? – предложил Грек, отвернувшись от соблазнительных окон и вопросительно глянув на Федора Туманова потом на приятеля Леху.

– Ну я не знаю... – заупрямился Ваняшин. – Меня, вообще-то, девчонка ждет.

Грек осуждающе посмотрел на приятеля.

– Друзей на девчонку меняешь?

– Да ты сам-то? Это ты потому домой не торопишься, что твоя Анютка сегодня во вторую смену работает. А то бы бегом бежал к ней, как по свистку, – усмехнулся Ваняшин, что очень не понравилось усатому майору.

– Вали отсюда на свое свидание, осеменитель хренов. Нет москвичкам покоя от тебя, – сказал Грек Ваняшину и уставился на Туманова.

– Ну, а ты?

– Знаешь, Сань... – только и успел произнести Федор, как Грек все поняв, махнул рукой.

– С вами, сэр, тоже все ясно. Ладно. Иди к своей Дарье. Привет ей передавай от меня, – сказал Грек.

– Очень ей нужен твой привет. Он не пряник, его не укусишь, – заметил на это Ваняшин.

– Ты еще здесь, сердцеед, – недружелюбно буркнул Грек, обернувшись. – Небось уже исчезался весь. Давай, топай к девчонке.

* * *

На соседней улице, недалеко от дома, в котором Грек жил, было приличное и недорогое кафе. Частенько Сан Саныч захаживал туда со своей гражданской женой Анной. Но большею частью один. Кафе работало до одиннадцати, поэтому у Сан Саныча еще было в запасе время перекусить.

На этот раз в кафе было посетителей немного. Пятеро молодых парней и с ними три размалеванных девицы в коротких юбках. Причем, вели девицы себя довольно нескромно, то и дело произнося матерные выражения. Парням как видно, это очень нравилось. И если какая-нибудь из девиц что-то произносила, они дружно хохотали.

Такая компажка невоспитанных молодых людей не очень-то устраивала Грека. Хотелось посидеть в тишине и не слышать этого гоготанья.

Но тут Сан Саныч отвлекся, заметив подошедшего к стойке бара крепкого парня лет двадцати восьми в серой рубашке, заправленной в черные джинсы. Грек уставился на его бритый затылок.

Парень не обращал внимания на компанию молодежи. Уж они ему точно не мешали. Положа здоровенные свои лапищи на стойку бара, и наклонившись вперед, парень что-то нашептывал толстой барменше на ушко, и та заискивающе хихикала.

Барменше было не больше двадцати пяти. Приятное, миловидное личико. Возможно, она пользовалась большим успехом у мужчин, которые были без ума от полных женщин. А было, по мнению Грека, в ней не меньше ста с лишним килограмм. И синенький, с белой опушкой фартучек, едва сходил на ее дородном теле.

Нет, Сан Санычу Греку нравились полные женщины, но не до такой же степени, и каждый раз глядя на эту улыбающуюся пышку, он говорил себе:

– Толстовата.

Грек подошел к стойке, чтобы сделать заказ. Толстушка барменша была так увлечена рассказом парня, что на усатого мужичка даже не обращала внимания. Грек встал с лева, рядом с парнем, и тот заметив его присутствие, повернулся, глянул. И нахмурился, потому что Сан Саныч уставился на его левую бровь. Вернее, на шрам, который располагался над этой бровью. Сразу вспомнил, как официанты рассказывали им с Ваняшиным, что как-то раз девушка, о которой они расспрашивали, приходила в ресторан с парнем. Характерной

приметой было то, что у него над левой бровью – шрам. Да и одежда совпадала. Точно такая серая, однотонная рубашка и черные джинсы.

– Ты чего шуришься, мужик? – спросил парень у Грека.

Грек стоял сосредоточив все свое внимание на лице парня. Все совпадало с приметам того типа, даже черты лица. Сейчас бы взять да и потребовать, чтобы парень предъявил документы. А еще лучше доставить его в дежурную часть. Но загвоздка заключалась в том, что в кармане у Сан Саныча Грека вместо нормального удостоверения, лежала бумажка, подтверждающая, что он майор уголовного розыска. При получении майорского звания, кадровики забрали у него старое удостоверение, а новое пока еще не выдали, ограничившись временным, то есть бумажкой, которую-то и показывать стыдно. И Сан Саныч стоял в нерешительности.

Услышав, что парень обратился к нему, Грек сделал вид, что ему все по барабану и пожав плечами, сказал:

– Да так.

– Так на свою жопу смотри в зеркало, – заметил на это парень.

Толстушка барменша бросив на Грека взгляд, хихикнула. А парень снисходительно покачал головой, как бы давая понять: видала как я его сделал. Сам Грек не сомневался, заметив с каким агрессивным типом имеет дело, что парень не раздумывая саданул бы ему кулачищем по физиономии, если бы получил грубый ответ. Но как видно, ответ Грека вполне удовлетворил его и он отвернулся.

– Ладно, Ритуля, – протянул он свою лапищу и хлопнул толстушку барменшу по заднице. – Пойду я. Позвони мне вот по этому телефону, – достал он из кармана ручку и попросил: – Дай клочок бумажки?

Барменша достала из своей сумочки записную книжку и раскрыв ее, подала парню, а когда тот записал номер, убрала ее.

Грек с тоской наблюдал за тем, как записная книжка исчезла в сумочке барменши, которую та спрятала под стойку. Потом он перевел взгляд на парня. Стоял и смотрел, как парень направляется к дверям. А в голове была одна мысль – что делать? Сан Саныч не знал как поступить в такой ситуации. Он не рассчитывал, в одиночку задержать такого здоровяка, явно превосходящего его физически.

– Мордень он мне разукрасит, будь здоров, – тихонько шепнул Грек себе под нос, и вдруг уставился на толстушку барменшу. Мать честная! А почему, он, собственно, должен идти с этим амбалом на конфликт? Ведь перед уходом парень ясно сказал толстушке, чтобы она ему позвонила и в ее записной книжке оставил свой телефонный номер. Значит, надо заглянуть в эту книжечку. Да заодно и с толстушкой поговорить не мешало бы. Выяснить, что это за фрукт такой борзый. Ведь она его наверняка знает, раз парень сказал ей позвонить.

От этих мыслей у Грека полегчало на душе. Даже захотелось выпить.

– Мне сто пятьдесят грамм водки, – попросил он у толстушки.

Та оценивающе глянула на него, хмыкнула, но ничего не сказала.

Тут же, не отходя от стойки, Грек лихо опрокинул стакан, закусив парой бутербродов с копченой ветчиной. Весело взглянув на толстушку, Сан Саныч кивнул:

– Повтори-ка, мне, красавица.

На этот раз во взгляде барменши он заметил восхищение, которое она и не пыталась скрыть.

– Круто, – сказала она довольно приятным голосом, наполняя Греку стакан.

Грек улыбнулся.

– Видно, не часто тебе встречаются настоящие мужчины, – подмигнул он толстушке, опрокидывая и второй стакан в себя.

– Слушай, а ты молодец, – толстушка потрогала его руку выше локтя. А Грек тихонько икнул, расправляясь с очередным бутербродом. Прожевав, придвинулся ближе к барменше, сказал тихонько:

– Может, отдохнем вместе?

Он даже не ожидал, что барменша откликнется на его предложение с такой охотой и ее не придется долго уговаривать.

– Легко, – облизав пухленькие губки, сказала она. – Скоро мы закрываемся. Я возьму водочки...

Грек почувствовал, что больше в него не влезет ни капли, при упоминании о водочки, поморщился, отрыгнув перегаром.

– Куда пойдем? К тебе или ко мне? – тихонько спросила пышка барменша.

– Давай к тебе, – сходу предложил Грек, прожевывая бутерброд.

Барменша обожгла его своими карими глазами.

– Идет. Подожди меня. Посиди вон там за столиком, – сказала она, а чтобы Грек не скучал ожидая ее, подала ему тарелку с салатом и вилку.

Салат оказался дрянным. Грек жевал его без вкуса, никак не мог понять, чего такого в него напихали, густо заправив майонезом. Сан Саныч сидел, ковырял вилкой в тарелке, и рассуждал, как ему предстоит вести себя с барменшей. И в ее записную книжку заглянуть надо и Анютке не изменить. Вот ситуация. Вряд ли пышка пойдет на откровенность, если узнает, что он из ментовки. Поэтому, тут придется поступить так, о чем не раз говорил им начальник отдела полковник Васильков, сравнивая хорошего опера с разведчиком. Несомненно, «батяня» во многом был прав и если лезть напролом не всегда можно добиться хорошего результата. Другое дело, проявить хитрость. Грек решил изобразить из себя страшного ревнивца.

Толстушка барменша, которую как оказалось, звали Маргарита, жила в соседнем квартале в трех комнатной квартире. Едва переступив порог которой, Грек осмотрелся, находя, что квартирка упакована неплохо.

– Ничего, апартаменты, – заметил он, слегка отстраняясь от барменши Маргариты, которая уже успела чмокнуть его в щеку, оставив на ней густой след губной помады.

– погоди, Ритуль. Дай оглядеться хоть. Что ж ты вот так сразу, берешь быка за рога, – последовал от Грека незлой упрек.

– Только за один рог, – облизнувшись, проговорила барменша, прижав Грека к себе и опустив руку к его паху.

Грек как воробышек, угодивший в цепкие лапы кошки, затрепыхался, пытаясь высвободиться, но барменша Маргарита только крепче прижала его к себе.

– Ты со всеми так управляешься? – спросил Грек, нарочно подбирая такие слова, чтобы они задели толстушку, иначе от нее не вырвешься.

Та захлопала глазами.

– В каком смысле? – спросила она, не очень-то понимая упрек усатого Грека. В ее понятие Сан Саныч Грек представлялся жгучим южанином, способным в момент наивысшего темперамента довести ее до безумия, которого ей так хотелось. Страсти и безумия, вот все, что она желала от мужчин. Но пока, к сожалению, такие ей не попадались. Разве что вот этот усатенький.

Барменша Ритуля легонько щипнула Грека за ус.

– Да в прямом, – напустил на себя Грек обиду. – Видел я в кафе, как ты с тем мордоворотом все такое прочее, – повертел он рукой перед изумленной мордашкой барменши. Та не могла понять, что усатый кавалер имеет в виду.

– А то и имею, – насупился Грек. – Видел я, как он тебя по заднице хлопал.

– Вон ты про кого, – заулыбалась барменша, махнув рукой. Тем самым давая понять, что Греку на этот счет нет смысла расстраиваться. – Да это так. Это мой старый знакомый, Костик Фомин. У меня с ним ничего не было. А что это ты им интересуешься? Ты часом не из милиции?

Грек сделал выразительное лицо.

– Кто я? Да упаси меня Бог, – соврал он и тут же, чтобы не дать Ритуле опомниться, спросил: – Не было, говоришь? – недоверчиво глянул Грек на толстушку так, как только может глядеть ревнивый муж на жену, которую уличил в измене.

Барменша Ритуля улыбаясь, положила Греку на плечи свои тяжелые руки. Хоть Грек ей и никто, всего лишь кавалер на одну ночь, но все равно приятно когда мужчина тебя вот так ревнует. Ведь в мужской ревности есть своя прелесть.

– Ой, какой ты интересный. Да что ты, миленький? – как бы с удивлением произнесла она. – Фома раньше был нашей «крышей»...

– Кем? – нахмурился Грек.

– Ну деньги мы ему платили. Не понимаешь что ли? Каждый месяц хозяйка нашего кафе отстегивала ему. А потом Фома пропал куда-то. Говорили, что его посадили. Ну я не знаю точно. Может и не посадили. Но я его давно не видела. А сегодня он зашел. Хотел о чем-то поговорить по старой дружбе с нашей хозяйкой, но она уже уехала. И он попросил меня позвонить ему, когда она будет на месте. Вот и все. А ты уж вбил себе в голову всякую чушь. Глупенький, – она потрепала Грека по волосам и глядя прямо в глаза, спросила: – Ну что, выпьем по чуть-чуть? Или сразу в постель?

Пить Сан Санычу не хотелось. Он чувствовал, что если проглотит в себя хоть еще каплю, то все, что было выпито до этого вместе с салатом попрет из него обратно. И уж тем более лечь с толстушкой в постель он не собирался. Скосив глаза на электронный будильник, стоящий на телевизоре, он увидел, что время было – половина двенадцатого. Анютка возвращалась с вечерней смены в начале первого. Теперь Греку надо было завладеть записной книжкой барменши и как можно скорей слинять из ее квартиры, чтобы вернуться домой до прихода Анютки. Иначе грандиозного скандала не избежать.

– Может, ты примешь душ? – предложил Грек толстушке, полагая, что таким образом у него появится время покопаться в ее сумочке. От самой барменши он уже кое-что узнал про парня, теперь не мешало бы заглянуть в ее сумочку и по быстрому смыться.

– Душ? – спросила барменша, причем, произнесла это так, словно только сейчас узнала, что он есть в ее квартире. Но тут же сориентировавшись, она ухватила Грека за руки, вытаскивая из комнаты в коридор. – Можно и душ принять. Только вместе с тобой, – вдруг добавила она то, чего никак не входило в планы Сан Саныча Грека. Он понял, что если у них дело дойдет до душа, то ему ни за что не вырваться от толстушки до самого утра. А тогда, это будет катастрофа для его семейной жизни. Ведь перед Анюткой придется отчитываться за проведенную вне дома ночь.

– Постой, постой, Ритуля, – Грек ухватился рукой за дверной косяк, видя, что они с толстушкой уже в коридоре. Дверь в ванну находилась от них всего в двух шагах. И оттуда Греку уже не вырваться. Причем, барменша так крепко прижала Сан Саныча к себе, что он почувствовал, как горечь из живота его стала подниматься к горлу, вот-вот готовая вырваться наружу. Он задрал голову и сделал несколько глубоких вдохов. Потом сказал барменше:

– погоди, Рита. Давай так: ты иди в ванну, а я тебе тут сюрприз приготовлю? – предложил Грек.

– И какой он у тебя? Твой сюрприз? Это интересно, – барменша Ритуля плотоядно улыбнулась, облизала губы, показав Греку розовенький язычок и как видно хотела, чтобы Сан Саныч поцеловал ее, но уса́тый майор отстранился со словами:

– Увидишь. Ты иди, – кивнул Грек на ванну.

– Ладно, – согласилась Ритуля, тут же в коридоре сбросив с себя платье, и явив Греку свои дородные телеса.

Сан Санычу нравились полные женщины, но не такие. В барменше лишних было как минимум килограмм сорок. Вот если бы сбросить их и тогда бы она была ничего, внушал он себе.

А сейчас он даже охнул от увиденного. Хлопнув Ритулю по ее огромной заднице, в точности как это сделал Костя Фомин в кафе, Грек сказал, улыбаясь:

– Не теряй время, лапочка. Иди, – легонько подтолкнул он толстушку к двери в ванну.

Как только она вошла, от переполнявшего счастья что-то напевая себе под нос, Грек на цыпочках прошмыгнул мимо двери в прихожую, где на вешалке висела Ритулина сумочка. Пришлось немного повозиться с застежкой, прежде чем Грек открыл ее. Записная книжка лежала тут.

Грек полистал ее. В ней были записаны, номера каких-то накладных, количество отпущенных порций и литры ликероводочной продукции и пива. Нетрудно было догадаться, что Ритуля знала толк в своем деле и была далеко не легкомысленной особой, раз вела такую бухгалтерию для себя. Но сейчас эти все порции, килограммы и литры не интересовали Грека. Ему был нужен номер сотового телефона Фомина. Его Грек нашел на последней странице. Парень записал его собственноручно.

– Вот он, номерок. Сейчас мы перепишем его... – проговорил Грек, пошарив во внутреннем кармане своего пиджака. Его записная книжка лежала там, а вот авторучки не оказалось. И тут Грек вспомнил, что уходя из кабинета, оставил ее на столе. Едва не взвыл от досады. Перетряхнул сумочку барменши, надеясь в ней найти авторучку, и не нашел.

– Ну что ты будешь делать, – вздохнул он, пару раз повторив телефонный номер Фомина, и понял, что может не запомнить его. Сейчас от выпитой в кафе водки в голове творится такое. А утром, когда он проснется, все может быть по-другому и память может подвести.

Грек не долго думал, как ему быть. Услыхал из ванной голос толстушки:

– Милый, я уже готова. Готовь свой сюрприз.

– Сейчас. Сейчас приготовлю, лапуля, – довольно громко произнес Грек и вырвал из записной книжки страницу с номером. Повесив сумочку на прежнее место, он быстро открыл входную дверь и выбежал из квартиры.

Обернувшись в полотенце, Ритуля вышла из ванной и осмотрелась, не найдя Грека. Тишина в двух других комнатах и кухне, казалась ей подозрительной.

– Милый?! – позвала она, зайдя в каждую из комнат, потом в кухню. Потом выбежала в прихожую и увидела, что нет ботинок, в которых Грек причухал сюда.

– Вот, сучок усатый! Это действительно сюрприз. Сбежал, – проговорила она разочарованно, сорвав с себя влажное полотенце и швырнув его на пол. Сейчас ей хотелось выбежать на улицу, догнать этого усатого мужика, у которого она даже не спросила имя, и задушить его на месте.

– А я-то дура, тру себя мочалкой, намывалась... – проговорила она разочарованно и зайдя в кухню, прямо голой уселась за стол. Налила из бутылки в стакан водки. Горестно вздохнув, поднесла стакан к губам.

– Вот и верь мужикам.

От одной мысли, что ей придется пить в одиночестве, а потом одной лежать в постели, корбило Маргариту. Но еще больше корбило непонимание, почему усатый мужик сбежал. Ведь ничем вроде не обидела его. Наоборот, приласкать хотела.

Поставив пустой стакан на стол, она вдруг вспомнила о деньгах. В шкафу, за книгами лежала заначка на черный день. Тысяч двадцать долларов.

Войдя в комнату, она открыла шкаф. Пошарила.

Деньги лежали там, где Рита их положила.

– Ничего не пойму, – хмыкнула она, осматриваясь и не находя ничего такого, что бы указывало на то, что усатый ловелас шарил по квартире. Даже золотые перстни, цепочка и серьги, лежали в серванте в чашке, где она обычно их хранила.

– Трахать меня он не стал, – говорила она, расхаживая по комнате голой. – Водки не выпил. Тогда зачем вообще, приходил ко мне? Чего ему, козлу, надо было?

В растерянности Рита села на диван, вспоминая недобрым словом Сан Саныча Грека.

А Сан Саныч Грек в это время резво скакал к дому. Дождаться автобуса он не стал. Можно было проехать пару остановок, но Грек решил сократить путь и бежал дворами, напрямки. И все-таки, как не спешил он, оказаться дома вперед Анютки не получилось.

Вбежав на этаж и еще толком не переведя дыхания, Сан Саныч сунул ключ в замочную скважину, попытался провернуть его, и не смог. Это означало одно, его драгоценная гражданская супруга уже пришла домой и закрыла дверь изнутри.

Грек вздохнул и нажал на кнопку звонка.

– Ну что ты будешь делать.

Казалось, Анютка поджидая его, стояла у двери. Открыла быстро, посмотрела на него и сразу лицо сделалось сердитым.

– Анечка, ты уже пришла? – нежно заворковал Грек, почему-то почувствовав себя неуютно в собственной квартире.

– Ты где был? – строго спросила Анна, пристально глядя в его черные глаза, которые только и могут, что лгать. По крайней мере, она считала, что ей Грек лжет чаще, чем другие мужики своим женам.

– На работе, Анюта. Где же я еще могу быть, радость моя. Вот к тебе спешил... – не договорил он, заметив, что уж слишком пристально Анна на него глядит.

– Значит, на работе? – переспросила Анна еще строже.

Грек не моргнув глазом, кивнул.

– А это вам на работе раздают? В качестве премии? – произнесла Анна с издевкой и подвела Грека к зеркалу.

Сан Саныч глянул и обомлел. На его правой щеке красовался отпечаток поцелуя толстой барменши. След губной помады четко вырисовывал контур пухлых губ.

– Да это... – Грек запнулся, не зная, чего соврать.

– Решил налево от меня сходить? – гневно спросила Анютка и так глянула на усатого майора, что тот вжал голову в плечи, как будто ожидая оплеуху. Надо было что-то врать, но что, Грек не знал. Растерялся, и от этого ничего подходящего не лезло в голову.

– Все, – решительно сказала Анна. – С меня хватит твоих выходок. То ты возвращаешься с работы пьяный, а теперь вот, – она ткнула пальцем Греку в щеку и толкнув его с прохода, пошла в комнату. – Я сейчас же уйду от тебя и живи, как хочешь, идиот усатый. На работе он был. Да от тебя водкой разит, как от алкаша.

– Ну правильно, – неуверенно произнес Грек. И тут ему в голову пришла спасительная мысль, и он соврал: – Да мы день рождения отмечали, если хочешь знать.

– День рождения, кого? Верблюда в зоопарке? У кого еще могут быть такие огромные губы? – зло усмехнулась Анна, достав из гардероба сумку. В нее она намеревалась уложить свою одежду.

– Да мне что, жить не где что ли? Ты забыл, у меня ведь есть своя квартира. Нашел себе домработницу. Сготовь ему. Постирай. А он приходит зацелованный. Видеть тебя не могу, – Анна отвернулась.

А Грек чуть не заплакал.

– Анечка?!

– Уйди с глаз моих.

Грек шмыгнул в ванну, открыл воду, чтобы Анютка не услышала и достав из кармана сотовый телефон, набрал номер приятеля Лехи Ваняшина. Мог бы набрать Федора Туманова, но все дело в том, что Анютка уже познакомилась с женой подполковника Дашей. Пару раз они даже бывали у них в гостях, и Даша ни за что не станет выгораживать Грека и врать.

Другое дело – Леха Ваняшин. Бабник, каких свет не видел. Сегодня с одной, завтра с другой. Его подружек Анютка не знает. Грек позвонил ему.

Голос Ваняшина зазвучал из трубки с недовольством.

– Грек, ты охренел? – первым делом поинтересовался Леха. – Ты знаешь, сколько времени. Я в гостях у девушки. Только мы с ней хотели, сам понимаешь чего. А тут ты звонишь...

– Леха, друг, выручай, – взмолился Грек, наскоро пересказав ситуацию, в которой очутился. – Анютка вещи собирает. Уйти хочет. А характер у нее знаешь какой? Стальной, как у меня. Уйдет, так больше не вернется. Помогите, Леша.

Ваняшин хотел сказать, что как раз у Грека характер и не стальной. Но решил не перебивать. Дослушать.

– Ну, а от меня-то что требуется? Чтобы я в ножки перед ней упал и попросил не уходить? – пошутил Ваняшин.

– Леша, уговори свою подружку, пусть она скажет моей Анютке, будто это она меня поцеловала. Ну на дне рождения у тебя...

– У меня? – Ваняшин прокричал так громко, что Грек зашипел в трубку:

– Да не ори ты, как резанный.

– Придурок! Ты хоть помнишь, когда у меня день рождения?

– Конечно, помню, – сказал полупшепотом Грек.

– Зимой, – напомнил Ваняшин, не обращая внимания на сказанное Греком. – А сейчас – лето.

– Леша... Пропаду я без Анютки. Люблю я ее.

Ваняшин вздохнул.

– Ну, если так, ладно. Сейчас я поговорю со своей девушкой.

– Лады, Лешенька. Родной мой. Я твой должник на всю жизнь, – чуть не прослезился Грек.

– Да ладно тебе. Через пару минут дай трубу своей Анне, – сказал Ваняшин и не отключая телефона, стал разговаривать со своей девушкой. Хотя ничего особенно ей объяснять было и не надо. Она прекрасно слышала весь разговор и хотела лишь одного, чтобы тот незнакомый ей Грек отстал как можно скорей и они с Лешей занялись тем, чем хотели – любовью.

– Грек, это мой друг. Мы вместе работаем. Ты должна помочь ему, – услышал Грек из трубки голос Лехи Ваняшина и тихонечко вздохнул. Вот он какой парень, Леха Ваняшин. И напрасно порой Грек относился к нему несправедливо.

Подружку не пришлось долго уламывать.

– Она согласна, – сказал Ваняшин. – Дай трубку своей Анютке.

Окрыленный предстоящей мировой с Анюткой, Грек выскочил из ванной, держа трубку мобильного в руке.

– Анют, ну подожди ты. Не суетись. На вот, поговори с Лешкой Ваняшиным, – протянул Грек трубку.

Но как видно Анна не очень-то горела желанием с кем-либо сейчас разговаривать. Она продолжала укладывать свои вещи в сумку и не хотела отрываться на всяки там разговоры. Пожала плечами.

– О чем я буду с ним разговаривать?

– Да ты поговори, поговори. Он тебе сейчас все объяснит. Откуда на щеке у меня это пятнышко. На, – Грек едва ли не силком сунул трубку Анне в руку.

– Пятнышко? – покачала головой Анна, но трубку взяла.

Грек отвернулся и тихонечко вздохнул. Сейчас он считал себя самым несчастным человеком на земле.

С Лехой Ваняшиным Анна познакомилась на дне рождения Грека. Тогда он был еще капитаном. Куда, кстати, был приглашен и Федор Туманов с женой Дашей. Ваняшин тогда тоже пришел не один, а с очаровательной грудастой блондинкой, с которой Грек умудрился за вечер пару раз потанцевать, за что потом получил от Анны хороший нагоняй. Но на этот раз с Ваняшиным была другая девушка. С ней Анна была не знакома. Хотя если сказать честно и не имела желания знакомиться. И чего ради эта подружка Ваняшина поцеловала ее Грека, оставив у того на щеке отпечаток поцелуя. Об этом она и спросила у незнакомки.

– Понимаете, Сан Саныч произнес хороший тост за друга Лешу, – сказала в оправдание девушка.

– Но вот пусть бы Леша и целовал его, а не вы, – заметила на это Анна, но уже совсем другим голосом. Ревность понемногу отходила на второй план, оставляя место здравому рассудку. А он подсказывал Анне, что не стоит пороть горячку. Уйти она может всегда. Другой вопрос, сможет ли потом вернуться. А если вдуматься, не такой уж плохой мужик Грек.

– Я как будущая жена Алексея... – сказала вдруг девушка.

Надо было видеть в этот момент лицо Лехи Ваняшина. Ни о каком браке с Инной он вроде бы не помышлял, и услышав такое публичное заявление, пробубнил растерянно:

– Ну дела. А все из-за этого Грека.

Глава 4

На следующий день Грек появился с бутылкой хорошего коньяка. Обнял Ваняшина как самого лучшего друга.

– Леша, ты не представляешь, что ты для меня сделал...

Ваняшин мрачно вздохнув, сказал:

– Оставил хомут на твоей шее?

– Не то, говоришь, Леша. Разве Анютка для меня хомут. Семейная жизнь, это ж такое счастье, – высказался по поводу замечания приятеля Грек.

– Не знаю. Может, для тебя и счастье. Ты к своей Анютке полгода бегал щи хлебал, прежде чем привел ее к себе. А вот меня, кажется, решили захомутать. Я с Иннкой знаком всего месяц, а она уже в загс меня зовет.

Грек с прищуром посмотрел на друга.

– И правильно делает.

– Чего? – Ваняшин аж рот раскрыл. Не ожидал такого от Грека.

– Ты парень видный. Такие на дороге не валяются. Да и тебе когда-то надо женой обзаводиться, – последовало замечание, которое сам Ваняшин воспринял, как простую трепотню усатого Грека.

Федор Туманов сидел за столом и терпеливо ждал, пока Грек уgomонится и когда тот выдохся, спросил:

– Ну и в какую историю ты попал на этот раз?

Грек плюхнулся на стул, откупорил бутылку.

Туманов достал из стола три пластиковых стаканчика.

Грек до половины налил в них коньяка.

– Друзья мои, что бы вы без Сан Саныча Грека делали? – сказал он с присущим ему бахвальством, после чего выпил свой стакан.

– Ладно, ладно. Ты давай по существу, – заметил на это Федор.

– А по существу, Николаич, дело было так. Моя Анютка вчера во вторую работала. Ну и зашел я в кафе, пивка попить, покушать. А там... – Грек начал рассказывать о том, что с ним произошло. Причем, делал это так красиво, что Леша Ваняшин то и дело повторял:

– Ну ты даешь, Сан Саныч.

– Учись, – улыбаясь, ответил на это Грек и продолжил. Когда он закончил говорить и взялся за бутылку, чтобы плеснуть еще по чуть-чуть, Федор остановил его:

– погоди до вечера. У нас работы полно.

Грек устался на Туманова.

– А что я от работы отказываюсь? – прозвучал вопрос, на который подполковник Туманов не стал отвечать.

– Слушай, а ты уверен, что это тот самый парень, который нам нужен? – спросил он у приунывшего Грека.

– Да тот. Вот его приметы, – Грек подал Туманову пару листов, на которых были записаны объяснения официантов. Но подполковник их читать не стал.

– Он даже был в той самой одежде, в которой заходил в ресторан с убитой девушкой. И шрам над левой бровью. Это очень характерная примета.

Против этих доводов усатого майора, Туманов не нашелся возразить. Но только заметил:

– Слушай, а барменша эта не предупредит его?

Грек хитро улыбнулся.

– А как? Номерок телефонный Фомина вот... – он порылся в кармане и достал вырванный из записной книжки барменши листок, протянул его Туманову.

Федор взял листок, глянул на номер.

– Ну что же, – произнес Туманов задумчиво. – Надо нам с этим Фоминым встретиться.

– Адрес он там свой не написал? – спросил Ваняшин, кивнув на листок из записной книжки, который лежал на столе перед подполковником.

– Нет, – ответил Федор.

Ваняшин неопределенно кивнул, говоря:

– В таком случае, где нам его искать?

– Давайте, попробем этот номер, – ткнул Грек пальцем в листок с номером сотового телефона.

– Можно, конечно, – сказал Туманов с неохотой воспринимая предложение Грека. – Только это займет много времени. И еще неизвестно, на чье имя зарегистрирован мобильник. Глядишь на родственника, или того хуже, на дальнего знакомого. Или вообще, краденный.

– Тогда чего ты предлагаешь? – Грек почувствовал некоторую обиду. Он вчера так старался, рисковал, чтобы заполучить этот номер. Его семейная жизнь чуть не развалилась. Думал, вот она удача. А выходит, что он сделал только половину дела.

– Я предлагаю поехать к этой барменше... как ее там? – спросил Туманов.

– Ритуля, – вяло ответил Грек и тут же оживленно добавил: – Только я ней больше на глаза не покажусь...

Увидев, что подполковник на него уставился непонимающим взглядом, Грек сказал:

– Ты чего, хочешь, чтобы она меня разорвала?

– Такого молодца? – шутливо спросил Ваняшин, нагло улыбаясь Греку в лицо.

– Да ну тебя, Лешка, на хер, – отмахнулся Грек от приятеля Лехи. – Вот мне, где твои шуточки, – провел он ребром ладони по горлу. – Сам езжай с Николаичем. А я еще пожить хочу, – заключил он и даже отвернулся, чтобы не видеть настойчивого взгляда подполковника.

С минуту все сидели и молчали. Грек не выдержал, повернулся и заметил, что Туманов по-прежнему сидит и смотрит на него.

– Ну и чего ты тарашись на меня? Ты думаешь, этот монстр встретит меня стопкой водки? С кулаками она меня встретит. Понял? – проговорил Грек, вздыхая.

– Ты ж не один будешь, а с нами. Так что не волнуйся. А ехать к ней надо и немедленно. Другого выхода у нас нету. Надо, чтобы она позвонила Фомину и назначила встречу в кафе. Вот там мы его и возьмем. А иначе не получится.

Грек свирепо посмотрел, сначала на Туманова, потом на Леху Ваняшина.

– У, изверги. Смерти моей хотите. Ну ладно.

* * *

Едва он открыл дверь кафе и перешагнул порог, как толстушка барменша изменилась в лице и так глянула на Грека, что тот съежился. Туманову показалось, что Грек имел твердое намерение немедленно убратся с глаз долой от барменши, но натолкнулся на позади шедшего Леху Ваняшина, который загородил собой весь проход.

– Грек, вперед, – шепотом отдал команду Федор Туманов, входя в кафе. Ритулю сразу можно было отличить от двух других девушек, работающих тут. По сравнению с толстухой, те две чаровницы просто порхали между столиков.

Глянув на барменшу, весом килограмм в сто пятьдесят, Леха Ваняшин невольно выдавил:

– Да...а.

– Вот так, Леша. Представь, что бы она со мной сделала, если бы у нас дошло до постели, – пожаловался Грек.

У Ваняшина даже не нашлось слов выразить сожаления другу Греку.

– Она же меня засосала в щеку, как компрессором. Я думал, челюсть вывернет в сторону.

Видя, что Грек в дверях приостановился, Федор обошел его и первым оказался у стойки бара.

Грек неуверенной походкой, подошел следом.

– Ну что? – упревил руки в бедра, спросила Ритуля, не сводя с усатого Грека своих злых глаз.

Грек поежился еще больше, не зная что и ответить. Полагался на Туманова, но подполковник глядя на колоритную фигуру барменши, молчал о чем-то сосредоточенно думая. И кажется, у него получалось с этим туго, потому что он как видно не знал, с чего начать.

Зато в глазах Грека, толстуха барменша из обыкновенного человека, превращалась в проголодавшуюся львицу, жертвой которой должен стать он, Сан Саныч Грек.

– Ты зачем из моей записной книжки вырвал листок, гаденыш? – рыкнула львица на Грека, готовая перемахнуть через стойку. И возможно, это бы и случилось, не вмешайся Федор Туманов.

– Тихо, гражданка. Не надо оскорблений.

– А ты кто такой? – Ритуля нацелила весь свой гнев на высокого мужчину, стоящего возле стойки, но излить его до конца не удалось.

Туманов достал свое удостоверение.

– Я из милиции. Подполковник Туманов. Это майор Греков, – кивнул Федор на Грека, который сразу приободрился. – А это – старший лейтенант Ваняшин, – дошла очередь и до Лехи.

– Да? В таком случаи, я вас слушаю, – произнесла толстуха заметно растерявшись, водя глазами то на Туманова, то на Ваняшина. На Грека, почему-то старалась не смотреть.

– Нам нужно с вами поговорить об одном вашем знакомом, – сказал барменше Федор. Толстуха оказалась довольно смысленной.

– Понимаю, кто вас интересуется. Фомин?!

– Правильно, понимаете. Мы хотим, чтобы вы позвонили ему и попросили приехать сюда, в кафе.

Как показалось Федору Туманову, барменша слегка вздрогнула.

– Да ни за что! – отшатнулась она от стойки, словно к ней были подсоединены провода высокого напряжения.

– Что так? – поинтересовался Туманов, осуждающе покачивая головой.

– Ага, вы уедете, а он мне потом голову отрежет. Нет. Я звонить не буду. У вашего сотрудника, – искоса глянула она на Грека, – есть номер его телефона. Вот и звоните сами.

Но Ритуля не знала Федора Туманова. Не знала как он умеет убеждать людей, и особенно женщин. Для начала подполковник улыбнулся и посмотрел на пухленькую барменшу так, словно собирался пригласить ее на свидание.

– Я предлагаю это сделать вам, – сказал он.

– Да я не стану... – начала было возмущаться толстуха, но натолкнулась на решительный взгляд Туманова и замолчала.

– Вы, наверное, так и не поняли, уважаемая, что мы к вам пришли не для того, чтобы выслушивать ваши буду, не буду. Случилось убийство. Убита девушка. Мы отрабатываем всех, кто имел к убитой какое-то отношение. Фомин имел. А вы, насколько я понимаю из вашего признания майору Грекову, знакомая Фомина.

– Да вы что, в самом деле? – возмутилась толстуха. – Считаете, что я ту девушку убила?

– Пока насчет вас мы ничего не считаем, – сухо заметил Туманов. – Но вам все-таки лучше взять и позвонить Фомину. Прямо сейчас, не оттягивая. И попросить его немедленно приехать, – предложил подполковник. Упрямство барменши начинало его раздражать. Да и не только его, Грек с Ваняшиным хотя и не вмешивались в разговор, но готовы были перейти к более жестким убеждениям. И Ритуля глянув на их суровые лица, уяснила для себя, что ей не отвертеться. Вздохнула.

– Что, сюда? – подавленно спросила барменша.

Туманов кивнул.

– Именно, сюда. И как можно скорее. Я ждать не люблю.

Барменша Ритуля колебалась недолго. Осложнений с ментами ей не хотелось. Это было чревато для ее кормовой профессии. Да и не отвяжутся они от нее, если не согласится.

– Ну хорошо. Только я не помню номер его сотового, – проговорила она.

– Это поправимо, – улыбнулся Грек и достал из кармана пиджака, вырванный из записной книжки барменши листок. – Вот. Пожалуйста.

– Спасибо, – сквозь зубы с неприязнью процедила Ритуля, доставая из своей сумочки мобильник.

– Но смотрите, – строго предупредил Федор барменшу. – Ни слова лишнего.

– Что я сама не понимаю, – обиделась Ритуля. – А чего ему сказать-то? Ведь если я приглашу его на чашку кофе, он точно не приедет.

– Он ведь просил вас позвонить ему... – напомнил Федор барменше.

Толстушка согласно закивала головой.

– Ну да. Просил позвонить, когда тут будет наша хозяйка кафе, – вспомнила она. – Сказал, что ему срочно надо уехать и хотел, чтобы она по старой дружбе помогла ему деньгами. Говорил, что потом отдаст. Но это уже не мое дело, – с безразличием махнула рукой Ритуля.

– Ну вот, – кивнул Федор. – Позвоните ему и скажите, что хозяйка ваша тут, в кафе. Но, возможно, скоро уедет. Поэтому ему лучше поторопиться.

– Хорошо, – согласилась Ритуля, вертя трубку мобильного в руках. Она уже хотела набрать номер, но Туманов остановил ее вопросом:

– Скажите, а почему Фомин сам не позвонил вашей хозяйке? Почему решил действовать через вас, как посредницу?

Туманов не сомневался, что Ритуля здесь была доверенным человеком Фомина и частенько давала ему информацию как на саму хозяйку кафе, так и на незаконный оборот левого товара. Не зря со слов Грека, она в своей записной книжке вела строгий учет всего того, что поступало в кафе и потом продавалось. И может быть, Ритулю связывали с Костей Фоминым не только деловые отношения, но и интимная близость. И подумав об этом, Туманов заметил, что пухленькое, довольно приятное личико барменши, покрылось румянцем.

Оказывается Ритуля еще не утратила стыд.

– Во-первых, наша хозяйка поменяла свой сотовый. Она частенько так делает. Костя его не знает. Она женщина скрытная, даже нам номер не говорит. Не хочет, чтобы кто-то лишний раз беспокоил ее. Ну, а потом, он считал, что по телефону с ней о деньгах говорить не стоит. Ведь по телефону легче отказать...

– А что он хотел попросить большую сумму? – спросил Грек.

Ритуля покосилась на него.

– Да уж не маленькую. Пятьдесят тысяч долларов. Он считает, что наша хозяйка своим благополучием и спокойствием во многом обязана лично ему. Вот он и решил ей об этом напомнить. Но не по телефону, а встретившись.

– Он вам не говорил, почему хочет уехать и куда? – тихонько проговорил Туманов, видя, что к стойке подошел седоволосый мужчина.

Барменша при нем не стала отвечать. Мужчина попросил бутылочку коньяка. Кажется, он намеревался угостить свою даму, пышногрудую брюнетку лет сорока, у которой с лица не сходила улыбка.

Туманову даже показалось, что даме в косметическом салоне сделали натяжку лица, чтобы она выглядела моложе своих лет. И переусердствовали, и теперь она была обречена на постоянную улыбку. Наверное, постоянно лыбиться, даже когда было грустно, доставляло ей дискомфорт, и поэтому время от времени она отворачивалась к окну, чтобы никто не заметил в ее глазах грусти.

Барменша подала мужчине бутылку пятизвездочного коньяка и тот вернулся к своей спутнице. А Ритуля сказала операм:

– Куда, собирается уезжать, он не говорил, – ответила она сразу на вторую часть вопроса, заданного подполковником и перешла к первой. – Сказал, что кто-то очень жаждет его убить...

– Убить? – Туманов призадумался.

– Да. Говорил, что они уже пытались это сделать, но ему повезло, удалось уйти, и теперь он вынужден скрываться, – добавила барменша, держа на ладонке трубку своего сотового и как бы спрашивая взглядом, звонить ей Фомину, или отложить на потом.

– Звоните, – сказал подполковник Туманов, еще раз напомнив, что барменше было необходимо передать.

Та набрала номер.

После того, как барменша, поговорив с Фоминым, убрала мобильник в сумочку, Федор Туманов сказал Греку:

– Значит, так, Сан Саныч.

Грек напрягся. Даже, как показалось Туманову, вытянулся на мысках, словно старался стать одного роста с подполковником.

– Чего? – заморгал он своими черными глазенками.

– Мы с Ваняшиным будем в машине. А ты – тут. Сядь за столик возле окна, – кивнул Туманов за тот самый столик, за которым Грек сидел вчера вечером тут. – Сиди и смотри. Как только Фомин подойдет к кафе, мы попытаемся взять его на улице возле дверей. Наверняка он вооружен. Нельзя допустить, чтобы он ворвался сюда и открыл стрельбу. Могут пострадать посетители.

– Николаич, а может нам на всякий случай посетителей отсюда убрать? – предложил Леха Ваняшин.

Туманов подумал над этим и отказался.

– Не стоит. Если в кафе не будет посетителей, это может навести Фомина на подозрения. Не забывай, его ведь хотели убить. Стало быть, он осторожничает. Приедет сюда, посмотрит, что в кафе народа нет, развернется и ноги в руки. И где нам тогда его искать?

Ваняшин не ответил, как видно посчитав, что он свое сказал, а дальше уж пусть подполковник решает сам. В конце концов, он тут старший. Ему и принимать окончательное решение.

Грека как видно сейчас заботило другое. Остаться в кафе, рядом с толстушкой ему не хотелось, о чем он и заявил тихонько подполковнику, чтобы барменша не услышала.

– Надо, Саня, – так же тихо ответил Туманов. – Будешь нас страховать тут, и присматривай за барменшей, чтобы она была у тебя на глазах. И чтобы не позвонила и не предупредила Фомина.

Грек фыркнул досадливо.

– А если она в туалет пойдет?..

– И ты иди с ней, – хихикнув, посоветовал Ваняшин.

Грек нахмурился.

– Дурак ты, Лешка. И шуточки у тебя дурацкие.

– Потерпит без туалета, – категорично заявил на сказанное Греком Федор Туманов. – Я думаю, долго ей терпеть не придется. Фомин скоро будет здесь. Так что ты располагайся за столиком, а мы с Лешкой на улицу.

Грек вздохнул.

– Тоже мне улица, – заворчал он сердито. – Сиди в машине и в окошко поплеывай. А я тут торчи перед этой коровой. Вон как свои лупарики на меня таращит, – встретился он взглядом с барменшей, которая исподлобья глядела на майора Грекова и как будто ожидала, что тот извинится перед ней за вчерашнее. Но вместо извинений, Грек сказал:

– Без меня никуда от стойки не отходить.

– Как скажете, товарищ генерал, – ехидно усмехнувшись, ответила барменша.

Грек нахмурился и сел за столик.

* * *

Фомин в кафе появился неожиданно.

Прошло немногим меньше часа, и Федор Туманов уже засомневался, приедет ли вообще Фомин сюда. Может быть, у него с этой толстухой была договоренность на случай опасности, та должна произнести какое-то кодовое слово или просто покашлять во время разговора. И подумав об этом, Федор спросил у Лехи Ваняшина, который наблюдал за проезжей частью улицы. Ведь не пешком же сюда припрется Фомин. Наверняка, приедет либо на такси, либо на своем авто. И Леха должен был заметить его при подъезде.

Сам же Федор вел наблюдение непосредственно за входными дверями, четко фиксируя всех входящих и выходящих.

– Слушай, Леша, ты не обратил внимания, вовремя телефонного разговора с Фоминым, эта свиноматка не кашляла в трубку?

Ваняшин ответил не сразу. Как человек, не терпящий суеты ни в чем, он сначала подумал, а потом сказал:

– Да, вроде, нет. А что? – спросил он, не понимая, к чему Туманов интересуется насчет кашля.

– Так, – махнул рукой Федор и отвернулся к окну.

Ваняшин посмотрел на Туманова, пожал плечами и отвернулся к противоположному окну. Задумался. Тут же его одолело сомнение и даже показалось, будто разговаривая с Фоминым, барменша все-таки пару раз тихонько кашлянула. Об этом Ваняшин решил сказать подполковнику.

– Вот и мне показалось, что кашлянула, – бурно отреагировал на сказанное Ваняшиным Федор. – А это, ведь может быть условным сигналом. Она покашляла, он и не приехал, – сказал Туманов.

– Да запросто, – согласился Ваняшин. – Мы тут сидим, ждем его. А он уже драпает, – Леха сделал сосредоточенное лицо, словно вот сейчас в эту минуту собирался кинуться догонять Фомина.

– А ну пойдем, – Туманов решительно открыл дверь машины. – Спросим у этой толстухи.

Ваняшин буквально выпрыгнул из-за руля.

Глава 5

Грек сидел потягивая из стакана минеральную воду. Барменша хотела принести ему водочки, но Сан Саныч отказался. Пить ему не хотелось, но просто так сидеть за столом не будешь, чтобы на тебя все обращали внимания. Глянув в окно, он заметил, что Туманов с Ваняшиным вдруг вылезли из машины и направляются к дверям кафе.

Не понимая, в чем дело, Грек занервничал, повернулся и не поверил своим глазам. Тот человек, которого они ждали входил в зал кафе со стороны подсобного помещения.

Барменша Ритуля тоже увидела его и сразу же переменилась в лице, сделавшись бледной. Она скосила глаза на Грека, заметив, что тот тоже смотрит на вошедшего Фомина. Но спокойнее Ритуле от этого не стало, потому что Фомин пройдя коридором из подсобки, очутился возле самой ее стойки.

Бросив взгляд на посетителей кафе, он увидел сидящего за столом усатого Грека и спросил у Ритули:

– А эта рожа чего тут торчит?

Ритуля растерянно улыбнулась, не зная, что ответить, посмотрела на Грека и пожалала своими богатырскими плечами.

Грек понял, что барменша страшно боится Фомина.

Потеряв к Греку всякий интерес, Фомин отвернулся от него.

– Ну и где ваша «мама»? – спросил он, насупившись.

«Мамой» называли хозяйку кафе, женщину лет пятидесяти с увесистой золотой цепью на шее и тяжелыми бриллиантами в ушах. Кроме этого, дающего неплохой доход кафе, она владела еще тремя крупными магазинами и считала себя благотельницей для своих подчиненных. Им всем она давала неплохую работу.

– Я... – Ритуля запнулась, не зная, чего сказать. – Не знаю... Она тут была...

– И где же она теперь? – Сухо спросил Фомин. – Я проходил по коридору, дернулся, а дверь в ее кабинет закрыта. Уж не соврала ли ты мне, сучка?

– Не...е, – замотала головой Ритуля.

– Смотри, а то я обижусь и откручу тебе голову, – пригрозил спокойно Фомин. Хотя можно было и не говорить этого. Ритуля прекрасно помнила, как два года назад Фомин здорово отколошматил ее только за то, что она позволила отпустить в присутствие «мамули» в его адрес шутку. Тогда Ритуля неделю не показывалась из дому. Все лицо было в синяках. Теперь же она мучительно соображала, каким образом задняя дверь, ведущая из подсобки на улицу, оказалась не запертой. Скорее всего, кто-то из девчонок выбегал покурить и не запер ее. А Фомин имел привычку входить в кабинет к «мамуле» с заднего входа, чтобы не светиться в зале перед посетителями. Так он делал раньше, когда приходил за деньгами, которые «мамуля» платила за бандитскую крышу.

– Вот урод, – тихонько произнесла Ритуля, смутно понимая, что будет дальше. Вряд ли Фомин вот так запросто поддастся ментам. Хорошо, если просто будет махаловка. Тогда они разнесут здесь все. А может быть и хуже. Ритуля знала, что Фомин всегда носил с собой оружие, а теперь, он и вовсе шагу не может ступить без ствола.

Ритуля приготовилась в случае чего сразу лечь за стойкой на пол, и гори оно все тут синим пламенем: и это кафе, и менты, и Фомин вместе с ними.

Федор Туманов открыл дверь и первым вошел в кафе и не поверил своим глазам. Даже на какой-то миг приостановился, хотя этого делать было никак нельзя. Но сейчас он никак не мог понять, каким образом Фомин очутился здесь, минуя их.

Кажется, об этом подумал и Ваняшин и увидев стоящего возле стойки Фомина, разговаривавшего с барменшей, буркнул под нос:

– Вот это да. А мы его там ждем.

Они вдвоем направились к стойке.

На звук открываемой двери Фомин обернулся. Посмотрел на Туманова, на Ваняшина и рука скользнула под рубашку, прикрывавшую пояс. За поясом торчала рукоять «Макарова». Быстро достав пистолет, Фомин обернулся к барменше.

– Решила сдать меня, сучка?

Ритуля испуганно закричала и тут же упала за стойку, когда Фомин навел на нее пистолет. И как оказалось, сделала это вовремя.

Пуля пролетела над самой ее головой, слегка пошевелив волосы. На полке стояли бутылки с дорогими винами. Одна из них вдруг разлетелась вдребезги.

Следующая пуля предназначалась Туманову или Ваняшину. Но Фомин на какую-то секунду замешкался, решая, в кого выстрелить первым и упустил из вида Грека. И поступил очень не осмотрительно.

Усатый майор вскочил из-за столика, и в два прыжка очутившись за спиной у Фомина, прыгнул на него, схватив за правую руку, в которой тот держал пистолет. Произошло это в тот момент, когда подполковник Туманов, заслонив собою старшего лейтенанта Ваняшина, оказался буквально в шаге от Фомина. Несомненно, что выпущенная из пистолета пуля, досталась бы ему, если бы не Грек. Сан Саныч схватил Фомина за руку, отводя ее вверх.

Если вначале, никто из посетителей кафе толком не понял, что происходит, то сейчас, после второго выстрела, в зале началась паника. Послышался женский визг.

Та самая дама, с улыбкой до ушей, сидя за столиком, вытаращила глаза, дико наблюдая за всем происходящим. Ее спутник, седоволосый джентльмен, точно окаменел с рюмкой коньяка в руке, не замечая, что вино течет на скатерть. На его лице отражалась полная растерянность.

Кое-кто из посетителей повскакали со своих мест, прячась под столы.

Но третьего выстрела не последовало. Лежа Ваняшин довольно сильно ударил кулаком Фомина по печени, а Федор Туманов вместе с Греком, вывернули руку и пистолет выпал на пол.

– Спокойно, граждане! Без паники. Уголовный розыск, – крикнул Туманов. Возможно кого-то, это и успокоило, только не Фомина.

– Твари! Падлы! Урою! – злобно хрипел Фомин. Но эта его злость была скорее от отчаянья. Он уже понял свою обреченность. Понял, что ничего не может сделать, но не привык сдаваться. Попытался левой рукой дотянуться до валявшегося на полу пистолета, и Ваняшину пришлось нанести ему еще один удар. На этот раз уже в челюсть.

Голова у Фомина дернулась как у подшибленного цыпленка и он медленно стал оседать на пол, придерживаемый за руки Греком и Тумановым.

– Леш, ты что охренел? – завопил Грек, опасаясь, что на этот раз Ваняшин переборщил. Силушкой-то его Бог наградил еще той, только держись.

– Ничего, – невозмутимо ответил Ваняшин. – Оклемается. Я его не сильно, только чтоб он не трепыхался, а то ведь, этот гад, чуть Николаича не пристрелил.

Грек застегнул на руках Фомина наручники и легонько похлопал того по щекам.

– Фомин?! – произнес он едва ли не на самое ухо Фомину.

Тот открыл глаза, с ненавистью зыркнул на Грека.

– Ты... – рывкнул он так, что Сан Саныч поморщился.

– Да, – вздохнул Грек. – Видно Леша тебе все-таки слабо съездил по морде. Может еще хочешь?

Кажется, Фомин еще не хотел, но признаваться в этом не собирался. Мешала гордость. Отвернувшись, он плюнул на пол.

– Ненавижу вас, ментов, – сквозь зубы рыкнул он. Но Грека это только развеселило. Он сказал с улыбкой:

– А мы без таких как ты, прямо жить не можем.

– Оно и видно, – скривил губы в усмешке Фомин.

– Ладно, хорош понапрасну шлепать. А ну вставай, – потянул Грек Фомина за руку. – Поедешь с нами. Там и поговорим о любви, а заодно и кой о чем другом.

– Чего это ради, я с вами должен ехать? – посмотрел Фомин на Туманова, потом на Ваняшина, наблюдая за тем, как старший лейтенант зажав двумя пальцами пистолет, поднял его с пола и взяв с ближайшего столика салфетку, бережно обернув, спрятал себе в карман.

– Вы, гражданин Фомин, подозреваетесь в причастности к убийству, – сказал Туманов.

Фомин выглядел внешне довольно спокойным. Исподлобья ненавистным взглядом посмотрел на Туманова.

– Не пойму я. Про что это вы говорите.

Грек улыбнулся, постепенно отходя от того напряжения, которое было у него еще пару минут назад, и сказал:

– А тут и понимать нечего. Получишь по максимуму. Только что ты пытался убить барменшу кафе и подполковника уголовного розыска. Леш, давай сюда пару свидетелей. Сейчас все оформим как полагается. Сядь, – Грек толкнул Фомина и тот рухнул на стул.

Ваняшин прошелся взглядом по перепуганным лицам посетителей и остановил свой выбор на седоволосом мужлане и его даме с улыбкой до ушей.

– Сейчас будут тебе свидетели, – сказал он и решительно подошел к их столику.

* * *

– Располагайся, Константин. Ты теперь здесь надолго у нас, – сказал Грек, когда Фомин переступил порог их кабинета и насупившись, уставился на портрет президента, висевший на стене.

Туманов сел на свое место и достав из стола несколько фотографий, на которых была запечатлена найденная в канализационном колодце девушка, разложил их перед сидящим напротив Фоминым.

Тот глянул на подполковника набыченным взглядом.

– Ну и чего? – спросил он, как видно не собираясь утруждать себя разглядыванием этих фоток.

– Взгляни, – предложил Федор.

– Чего мне на них пялиться? – произнес Фомин.

Опера уже поняли с кем приходится иметь дело. С тупоголовым упрямым, который готов переть напролом. Это подтверждалось и в характеристике, присланной начальником колонии из-под Красноярска. Фомин отбывал там наказание за убийство. Из восьми, определенных ему по суду лет, он отбыл всего лишь три месяца и совершил побег вместе с двумя другими зеками. Тем двум долго на свободе бегать не пришлось. Их скоро поймали. А вот Фомина поймать не удавалось. Он значился в розыске. И при этом, как видно, не очень-то опасался быть узнанным. Возможно, отчасти это благодаря подлинным документам на чужое имя.

Заглянув в паспорт, который оперативники обнаружили в кармане у Фомина, Туманов сказал:

– Ну, о твоих документах мы поговорим попозже, где и как ты их раздобыл...

Фомин криво усмехнулся. Не обращая на это внимания, подполковник настойчиво кивнул на фотографии и предложил:

– А пока не откажи нам в удовольствии, взгляни. С этой девушкой тебя видели в ресторане.

Фомин взял одну фотографию в руку, посмотрел. По тому, как он глянул на убитую девушку, Туманов понял, что Фомин несомненно узнал ее, хотя и не подал вида. А точнее сказать, старался не подавать. Но взгляд заметался по фотографиям. По одной, по другой, и так, пока он не пересмотрел все. Сейчас он не обращал внимания на то, что все трое оперов смотрят на него. О чем думал Грек с Ваняшиным, Федор не знал, а сам он понял одно: то, что девушка оказалась убитой, для Фомина было неожиданностью. Вряд ли он хотел верить в увиденное и даже помотал головой.

– Так ты узнаешь эту девушку? – спросил Грек, внимательно наблюдая за этой реакцией Фомина. Особенно от пристального взгляда Сан Саныча Грека не укрылось, когда Фомин пересмотрев все фотографии, положил их на стол, а рука при этом самопроизвольно дернулась, как будто одну из этих фоток он хотел оставить себе.

Услышав вопрос Грека, Фомин скроил невозмутимую рожу и даже пожал плечами.

– Откуда?

– Ну да. Конечно. Откуда тебе ее знать? – с долей иронии заметил подполковник Туманов. – Еще скажи, что ты ее первый раз видишь.

Фомин вытаращил на подполковника Туманова свои здоровенные глазища.

– Нет, ну гадом буду, гражданин начальник.

– Гадом ты стал, когда родился. Думаешь я поверю, что ты вот так с незнакомой девушкой поперся в ресторан? – повысив голос, проговорил Федор.

– А почему бы и нет? – в свою очередь нагло заявил Фомин. – Шел по улице. Встретил бабу. Вроде бы, ничего. Дай, думаю, приглашу ее в ресторан.

– Вот так ни с того ни с сего, за спасибо живешь? – усмехнулся Туманов.

– Ну почему же за спасибо живешь, гражданин начальник? – на лице Фомина появилась нагловатая ухмылочка. – Ты же мужик. Понимаешь, что просто так бабу в ресторан не водят. Переспать я с ней хотел.

– Переспал? – спросил Грек.

Фомин повернулся к нему.

– Не получилось, – ответил он Греку, изобразив на лице гримасу сожаления.

– Не получилось, – не торопливо выговаривая, повторил подполковник Туманов.

Фомин набрался наглости улыбнуться.

– Ага, – сказал он, не сводя с Туманова глаз. Чутье подсказывало Фомину, что этого подполковника ему следует опасаться более всего из этой троицы, поэтому отвечая на его вопросы, Фомин тщательно подбирал слова. Ответ должен быть таким, чтобы у подполковника не возникло зацепки. Пока, по мнению самого Фомина, он не наделал ошибок в ответах. И предъявить в обвинение ему могут всего лишь побег из зоны. Но такое рано или поздно должно было случиться. Не зря же народная мудрость гласит: сколько веревочке не виться, а конца не миновать. Хотя Фомин был уверен на все сто, что это еще не конец. По крайней мере, он жив, а ведь все могло быть по-другому. Или не могло? Теперь, поди, разберись. Да и поздно уже разбираться, когда жизнь изломана.

Глава 6

Никогда не знаешь, что тебе уготовит судьба. И в этом Костя Фомин лишний раз убедился на себе, когда познакомился с Анжелой. Во всяком случае, она ему представилась так. Хотя, может быть, на самом деле у нее было другое имя. Настоящего ее имени Фомин так и не узнал. Да и какая теперь разница, как ее звали. Теперь ее нет. А ведь он чувствовал, что примерно такой конец ожидает Анжелу. Непростая она девочка была, и к тому же красавица, каких он раньше не встречал. Но он так и не понял, кто она на самом деле. Это больше всего оставляло в душе нехороший осадок. Он жалел, что все так произошло. Даже их знакомство, как потом думал Фомин, случилось неспроста, а скорее всего, было запланировано самой Анжелой. Ведь сколько он ездил этой дорогой, и ни разу не видел эту девушку здесь. А тогда...

В то утро Костя Фомин как обычно вышел из дома. Настроение было не очень. Чуть свет позвонил приятель, сказал, что всю ночь зависал в казино. Проигрался до копейки, и теперь у него большие неприятности. Просил, приехать, помочь деньгами.

Черный сияющий на солнце «Форд» стоял возле подъезда. Глянув на него, Костя Фомин почувствовал, как испорченное настроение понемногу уходит. В конце концов, все не так уж и страшно. И приятелю он сумеет помочь, хотя вряд ли это того спасет. Завтра он припрется в это проклятое казино опять и опять проиграется до последней копейки. Такова его психология, играть, пока есть деньги. А потом он уже не может остановиться.

Выезжая со двора на проезжую часть улицы, Костя загляделся на поток машин, в который ему предстояло влиться, и чуть было не наехал на девушку. И откуда она только взялась. Ведь когда проезжал тротуар, не видел ее.

Резко надавив ногой на педаль тормоза, Фомин чертыхнулся и опустив в правой двери стекло, хотел в непопулярной манере объяснить перепуганной девице, что не следует лезть под колеса машины, но едва посмотрев ей в лицо, почувствовал, как злость тут же прошла.

Девица была на редкость хорошенькой. Костя в один миг оглядел ее всю с головы до ног. Особенно ему нравились сисястые блондинки. У девицы с этим было все в порядке. И вообще, фигурка у нее отличная. Редко Фомину попадались такие вот девицы без изъянов.

– Простите меня, пожалуйста, – смущенно улыбаясь, заговорила девушка приятным голосом.

Ох как хотел бы Костя, чтобы она вот так нежно нашептывала ему на ушко ласковые словечки, когда бы он уложил ее в постель.

– Я спешила на автобус, – кивнула она на автобусную остановку, от которой только что отошел автобус. – И не заметила, что вы выезжаете.

– Да ладно. Чего там? Ничего такого не произошло. Это вы меня извините, чуть не наехал на вас, – произнес Костя, пытаясь перевалить вину на себя. – Мне самому надо быть осмотрительней.

На лице блондинки отразилось такое сожаление, что казалось она вот-вот расплачется. Костя даже не понял, что это с ней.

– В чем проблема? – спросил он.

– Автобус. Тут так редко ходят автобусы, – сказала красотка, пожимая плечиками.

Костя посмотрел на отъехавший автобус и хмыкнул.

– Фигня какая. Садитесь. Я вас подвезу, куда надо, – предложил он, напрочь позабыв, что ему самому срочно надо в казино «Арлекино», где его дожидается приятель.

Блондинка повеселела.

– Правда? – спросила она так доверчиво.

Костя кивнул и улыбнулся. За последние несколько дней он сделал это впервые. Он не был по натуре мрачным человеком, но в последнее время на него свалилось столько неприятностей, что тут уж не до улыбок. Неделью назад их группировку потрясли менты. Многих пацанов забрали в кутузку. Может быть, взяли бы и его, но в тот вечер Фомин с тремя своими «быками» ездил на стрелку с кавказцами.

Стрелка была забита возле Курского вокзала, который контролировали черные. И они очень удивились, когда Фома туда приехал всего лишь с тремя своими помощниками. Но еще больше они удивились, когда после словесных объяснений, четверо наглецов пустили в ход кулаки. И хотя кавказцев было вдвое больше, но преимущество оказалось не на их стороне. Правда и Фоме с пацанами досталось, но зато они не попали под ментовской пресс. И самое лучшее, что сейчас они могли предпринять, это нанять для своих братков хороших адвокатов. Поэтому с утра до вечера Костя Фомин только и делал, что мотался по адвокатским конторам, и за последние дни здорово вымотался.

А тут такая красавица попалась ему на дороге. И Фомин решил, что будет считать себя последним идиотом, если вот так просто отпустит ее. Когда они остановились возле метро «Павелецкая» и девушка уже хотела вылезти из машины, Костя сказал ей:

– Может быть, сегодня вечером встретимся?

Кажется, его предложение застало блондинку врасплох.

– Ну не знаю даже... – ответила она с неопределенностью.

Такой ответ Фому не устраивал. Как человек, привыкший добиваться всего и сразу, он решил проявить настойчивость, заявив, что красотка выйдет из его машины только тогда, когда согласится навстречу.

– Ну хорошо, – улыбнулась девушка, черкнув на лежащем на сиденье журнале «Зарулем» номер домашнего телефона. – Позвоните мне после восьми часов вечера.

– Вот это уже другое дело, – ответил Костя, и тут же спросил: – А имя у прекрасной незнакомки есть?

Девушка засмеялась.

– Есть, как у каждого нормального человека, – сказала она. – Анжела. А вас как звать?

Костя подумал, что у них тоже пацаны нормальные, а по именам друг друга не величают. Только по кличкам. Он даже свое имя стал забывать. Вспоминал лишь тогда, когда гаишники на дороге тормозили. И теперь вспомнил.

– Константин, меня звать.

– Отлично. Ну вот мы с вами, Константин, и познакомились.

– Ага, – кивнул Фомин.

– Так, стало быть, до вечера? – игриво спросила девушка, имея твердое намерение выйти из машины, и Костя вряд ли бы сумел ее удержать.

– Я вам позвоню, – весело ответил он, окрыленный предстоящим свиданием с красавицей.

Отойдя на пару шагов от машины, девушка обернулась и улыбаясь, помахала Фоме ручкой. Фома нажал на клаксон и его «Форд» издал тоскливый звук, похожий на унылое мычание быка, застоявшегося в стойле.

Сколько раз Фома зарекался заменить звуковой сигнал в своей машине, и все никак руки не доходили. Но теперь решил не откладывая заехать в автосервис. Отъезжая от станции метро, он увидел, что блондинка почему-то не пошла к стеклянным дверям, а направилась в противоположную сторону. Он даже хотел остановиться, чтобы разузнать причину, но поднапивавшие сзади машины засигналили, и ему пришлось уехать.

* * *

Какое-то время блондинка стояла на краю тротуара, провожая черный «Форд» взглядом, пока он не скрылся в потоке машин. Потом, повернувшись, она направилась к тому месту, где пару минут назад он стоял на обочине.

Теперь на том месте стояло серебристое «Вольво» с тонированными стеклами. Девушка подошла, открыла дверь и уселась на заднее сиденье.

За рулем «Вольво» сидел плотный мужчина лет пятидесяти с небольшим и скучным взглядом смотрел в лобовое стекло. И хотя он выглядел намного старше девушки, она называла его по имени – Дима. Бесшумно работал кондиционер, нагоняя в салон иномарки приятную прохладу и блондинка, удобно расположившись на сиденье, облегченно вздохнула, вопросительно глянув при этом на молчавшего водителя. И видя, что тот не собирается говорить, произнесла несколько раздраженно:

– Ну что ты молчишь?

– А что я должен сказать? – со сдержанным спокойствием ответил водитель, так и не поворачивая головы.

Девушка обиженно фыркнула.

– Можно подумать, что тебя это не касается? – тут же последовало замечание, которое как видно не произвело на водителя особенного впечатления. Он сказал уклончиво:

– В первую очередь, это касается тебя. Поэтому, тебе придется решать эту проблему. Думай сама.

Приятное личико блондинки сделалось до крайности капризным. Слегка фыркнув, она отвернулась к боковому окну. Достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку.

Заметив в зеркало это, водитель требовательно произнес:

– Не кури в машине. Не люблю.

Блондинка повертела приготовленную сигарету между пальчиков и запихнув обратно в пачку, с ядовитой усмешкой сказала:

– Смотрю я на тебя...

– И что? – перебил ее водитель все с той завидной выдержкой.

– То нельзя. Это нельзя. Слишком правильный ты человек.

– А разве это плохо? – спросил водитель.

Девушка холодно взглянула на него.

– По-моему, это очень скучно. Жить по правилам. Делать все только то, что разрешено правилами.

– Зато я до сих пор жив, как видишь. Мне пятьдесят шесть лет.

– Очень приятно, – скривила губки блондинка в усмешке, но водитель «Вольво» за это на нее не обиделся. Более того, он сделал вид, будто вообще не заметил сарказма в словах девушки. Продолжил:

– Да. Пятьдесят шесть. И я собираюсь прожить еще как минимум лет тридцать, и трахать таких лапуль как ты.

– А что для этого нужны какие-то правила? Чтобы трахать таких как я?

– Лучше не раздражай меня, – заметил на это водитель, слегка повысив голос. – И давай о деле, – напомнил он о том, о чем они, собственно, и должны были обговорить, а не вести беседы на посторонние темы.

– Хорошо, – согласилась блондинка.

– Так почему ты выбрала этого жлоба, а не кого-то другого? – спросил водитель, гоня во рту жевачку.

Девушка ответила не сразу, как будто тщательно обдумывая достойный ответ.

– Этот жлоб, между прочим, состоит в криминальной группировке...

– И что с того? – без особого интереса спросил водитель. Открытие, которое сделала блондинка, ему показалось не очень-то существенным.

– Помнится, ты сам говорил, или забыл, что для этого дела нам нужен человек с криминальным прошлым. А этот, пожалуйста, с криминальным настоящим. Наверняка, он на учете у ментов. Значит, есть вероятность, что его сразу посадят. К тому же, он имеет с собой ствол.

– Откуда ты знаешь? Ты что ощупала его?

– Ну вот еще? Только мне и делов, щупать его. Когда я села к нему в машину и мы поехали, он открыл бардачок. Так вот там у него лежал пистолет. И поверь мне, не игрушечный.

– Ладно, не заводишь, – примирительно сказал водитель. – Тебе, конечно, видней. Просто я хочу, чтобы все получилось так, как надо. Понимаешь меня? – спросил он.

Похоже, его забота подействовала успокаивающе. Во всяком случае, девушка заговорила уже другим тоном:

– Все получится. Вот увидишь. Сегодня вечером он позвонит мне. Мы встретимся, а потом... – она замолчала, заметив, что водитель обернулся к ней в пол-оборота.

– И где ты с ним намерена встретиться? – любопытно спросил водитель.

– На квартире, которую я снимаю.

Услышав это, водитель неодобрительно покачал головой.

– Ерунда, – заметила блондинка. – На воле ему бегать недолго. Его быстро сцапают и посадят. А к тому времени, когда он освободится, меня уже здесь не будет. Да еще и неизвестно, доживет ли он до освобождения, – улыбнулась она.

– Ну смотри сама. Я надеюсь, ты понимаешь? Если что... – он не успел закончить угрозу до конца.

Девушка довольно резко сказала:

– Сама знаю. Не утруждай себя пересказом.

Водитель молча кивнул, уставившись через лобовое стекло на подъехавшую и припарковавшуюся перед ним «Тойоту». Минуту, другую, из нее никто не вылезал, и на лице водителя «Вольво» отразилось едва различимое беспокойство. Оно прошло, когда передняя дверь «Тойоты» открылась и с водительского места вылез здоровый парень. Он обернулся, посмотрел на стоящую позади серебристую «Вольво» и не спеша направился к табачному киоску, располагавшемуся метрах в десяти от обочины проезжей части.

Там же не переднем сиденье оставался еще кто-то, но ни водитель «Вольво», ни блондинка за тонированными стеклами не могли разглядеть сидящего. Видели только его силуэт.

– Поедем, я тебя отвезу, – сказал водитель «Вольво» блондинке. – Не нравятся что-то мне эти ребята.

Сидящая на заднем сиденье блондинка глянула на стоящую впереди «Тойоту» равнодушным взглядом. Она лично не находила в том парне ничего такогостораживающего, хотя то, как он посмотрел на них, ей тоже не понравилось. Но машин тут останавливается полно, и видеть в каждом остановившемся рядом опасность, это уж слишком.

– А вот сейчас мы их проверим, – тоном знатока произнес водитель «Вольво» и включив мотор, ловко объехал «Тойоту» и поддав скорости, помчался вперед маневрируя в потоке машин. При этом он успел заметить, как парень от киоска метнулся назад к своей «Тойоте». Он, кажется, даже забыл взять сдачу и девушка продавец что-то кричала ему из окошка, но парень не остановился. Он запрыгнул в машину. Дверь закрыл на ходу.

– Как видишь, я не ошибся. За нами – хвост, – сказал водитель «Вольво» блондинке, озирающейся на догонявшую их «Тойоту».

– Да, ты оказался прав, – произнесла девушка, но таким тоном, в котором больше слышалось раздражения, чем согласия. Как бы этим давая понять, что человек живущий по правилам все равно не нравится ей. Какое-то время молчала, крутя головой то вперед, то назад на догонявшую их «Тойоту». Потом спросила:

– И что ты собираешься предпринять?

Водитель «Вольво» усмехнулся.

– А что тут можно предпринять? Разве что вот... – он резко крутанул рулем влево и «Вольво» вылетела на встречную полосу. Причем, перед самым автобусом.

Блондинка вцепилась руками в спинку переднего сиденья, ожидая столкновения. Но его не произошло. По крайней мере, с их машиной. А вот водитель «Тойоты» оказался не такой профессионал. Подобный маневр ему не удался, и туристический автобус на полном ходу саданул «Тойоту» в правый бок.

Уезжая, блондинка услышала скрежет сминаемого металла и хруст разбитых стекол. Посмотрев на водителя «Вольво» уважительно, она сказала:

– Ну ты даешь.

Водитель отреагировал на ее похвалу все также сдержанно:

– Ничего особенного, – глянув назад и убедившись, что у «Тойоты» пропала охота их догонять, добавил: – Теперь полный порядок. Сейчас я отвезу тебя домой и уеду. Приеду вечером.

– Да, конечно, – согласилась блондинка. В голосе ее замечалось что-то похожее на рассеянность, поэтому, водитель «Вольво» не упустил напомнить:

– Смотри, не проспай в обнимку с милым.

На лице у девушки появилась брезгливость.

– Ну ты скажешь тоже.

– Мало ли. Уломает тебя, уложит в постель и как вопре... Глядишь, обо всем и забудешь.

– Не забуду, – довольно резко сказала девушка, давая понять, что насмешки по этому поводу со стороны водителя в ее адрес, не уместны. – Останови.

– Мы же еще не доехали до твоего дома, – недоуменно произнес водитель «Вольво».

– Мне надо зайти в магазин, купить кое-что из продуктов.

– Я могу подождать. Покупай.

– Не стоит, – покрутила головой блондинка.

– Но я думал, мы сейчас поедем к тебе. Посидим...

– А потом ты меня завалишь на постель? – проговорила красотка с легкой издевкой в голосе.

Водитель ничуть не смутился.

– Ну, а почему бы и нет?

– Нет, – помотала головой девушка. – Я устала и хочу отдохнуть. В другой раз. Останови машину немедленно.

Водитель несколько не обиделся за отказ.

– Ладно. В другой так в другой, – сказал он.

«Вольво» остановилась. Девушка вылезла, и кивком головы попрощавшись, пошла по тротуару. Со стороны могло показаться, что эта красивая девушка, всего лишь случайная попутчица. Водитель не смог отказать и подвез ее. И только глаза блондинки, выдавали, что все далеко не так.

Проводив «Вольво» настороженным взглядом, пока машина не скрылась из виду, девушка повернула от магазина в противоположную сторону. Выбрав в тенистой аллее одну из скамеек, она села на нее. Достала из сумочки пачку сигарет и зажигалку. Закурила.

Здесь никто не мельтешил перед глазами, не мешал собраться с мыслями. А обдумать ей было чего. Никогда не думала, что докатится до такого. Сегодня должно произойти убийство, и как не крути, но она к этому будет причастна.

Другой, не менее тяжкий грех, свалить вину за убийство на невинного человека. Для ранимой женской души пройти такое испытание не просто. Но ради больших денег, она готова на все. Ведь тогда она сможет уехать отсюда навсегда. Не важно в штаты, или куда-нибудь в другую страну поближе. Она еще так до конца и не решила в какую из стран переберется. Главное, что это будет навсегда. В эту помойку, на которой выросла, она уже больше никогда не вернется. И произойдет это скоро. Она всегда мечтала о красивой жизни, когда не надо будет вскакивать по утрам от мысли, где раздобыть денег. Скоро у нее будет много денег.

Она закурила сигарету до половины, так как делала это теперь всегда и изящным движением швырнула дымящийся окурок в урну. Теперь она может позволить себе не дотягивать сигарету до фильтра, как раньше. Да и курить она стала не российское дерьмо, а настоящие американские сигареты для женщин. Теперь она запросто может покупать себе их, не как раньше.

Достав из сумочки трубку сотового телефона, блондинка набрала номер и терпеливо стала ждать, пока ей ответят. Причем, ждать ей пришлось не меньше минуты, прежде чем в трубке послышался хриловатый мужской голос с акцентом.

– Я вас слушаю, – произнес голос.

– Мистер Пит...

– Да, это я. Кто говорит? – спросил все тот же голос.

– Это – Анжела. Вы меня еще не забыли? Вчера мы с вами так хорошо сидели в ресторане Орион. Мистер Пит, ну неужели вы не помните? Такой вечер... – Анжела улыбнулась, вспоминая, как этот иностранец весь вечер твердил, что больше всего в ней ему нравится ее улыбка, а сам то и дело пялился на ножки. Может быть он и врал. Все мужчины врут, лишь бы как да побыстрее подобраться к женщине и уложить ее в постель. Но вчера у них с мистером Питом до постели не дошло. Хотя он вроде и был не против, но внезапно ему кто-то позвонил на сотовый, как он сказал из далекой Англии, и мистер извинившись перед Анжелой и заплатив за столик, уехал. Но перед тем как ему уйти, Анжела напросилась с ним на встречу и даже уговорила мистера дать ей номер своего мобильного.

Пит ломался не долго. Русская красотка понравилась ему. Наметанным глазом он сразу определил, она щедра на ласку, а что еще надо иностранцу приехавшему в Москву всего лишь на пару недель. Поразвлеклась с хорошенькой девушкой. К тому же, сама девушка даже очень не против развлечений.

– Да, я помню... – ответил Пит и замолчал.

Эта внезапная пауза, несколько смутила Анжелу. Неужели он сегодня не захочет с ней встретиться, тогда все пойдет насмарку. А она так старалась, из кожи лезла, лишь бы понравиться этому толстопузому борову. Уже считала, что он у нее на поводке, стоит только помазать и как теленок пойдет за ней. А он еще чего-то выламывается.

– Мы ведь с вами договорились сегодня встретиться, – наглым образом напомнила Анжела. Хотя и знала, порядочная девушка не должна быть такой навязчивой. Но плевать ей на порядочность. И на все плевать, лишь бы вытащить его из гостиницы.

– Днем я не могу, – начал выламываться иностранец.

Анжелу это начинало бесить. Что этот боров себе позволяет? Он наверное не знает, что если она кому-то из мужчин назначает свидание, то этот счастливчик бегом мчится.

Так хотелось нагнать, но Анжела знала, что этого делать ни в коем случае нельзя. Наоборот, она должна быть ласковой и приветливой. Так ее учил Дима. И она сказала с улыбкой:

– Мистер Пит, ну кто же назначает свидание днем. Давайте с вами встретимся вечером. Часиков в десять. Вас устроит? Я заеду за вами на своей машине. Черный «Форд».

Кажется, его все устраивало: и назначенное время и машина.

– Хорошо. Давайте. До вечера. А сейчас извините меня, я очень занят, – сказал мистер.

– Нет, нет. Это вы меня извините, что отвлекаю своей болтовней. И так, в девять вечера я подъеду к вашей гостинице на такси.

– Жду, – коротко сказал мистер и отключил свой мобильник.

Анжела вздохнула.

– Вот – козел, – сказала она, убирая трубку в сумочку.

Поднявшись со скамейки, она неторопливо, изящной походкой пошла по тротуару, провожаемая трепетными взглядами мужчин.

Глава 7

Смотавшись в казино, где его с нетерпением ожидал приятель, Костя Фома уладил конфликт, заплатил за него пять штук баксов, после чего невезучего игрока отпустили. Приятель хотел еще, чтобы Костя отвез его до дома, но Фома отказался.

– Ножками дотопаешь. Тебе, мудаку, это только на пользу будет. Голову просвежишь, – сказал ему Фома.

Приятель, кажется еще толком не отошел от ночной пьянки.

– Чего ты завелся?

– А ничего, – заорал на него Костя. – Сколько раз тебе говорил, если не фартит, не играй. Да еще пьяный.

– Да ладно. Чего ты? – видно просветление так и не коснулось приятеля.

– Вали отсюда, – Фома вытолкал приятеля из машины. До вечера надо было успеть кое-что сделать. Вечером у него будет приятная встреча с девушкой, с которой он познакомился. Весь день только и думал о ней, не обманула ли с телефоном? Может решила разыграть его, написала первый попавшийся на ум номер, выдав его за свой. Эти молоденькие шлюшки и не на такое способны. Хотя, вроде бы эта красотка и не похожа на шлюшку. Уж Фома в бабах разбирается. И если девочка окажется не испорченной городской жизнью, возможно, он ее оставит для себя, а там посмотрит. Жениться не собирается, но иметь под боком такую красоту тоже неплохо. И не обязательно для этого на ней жениться. Можно просто подпитывать ее деньгами. Вечером он позвонил по тому телефону, который написала ему блондинка на обложке журнала. Услышав ее голос, Фома сказал:

– Привет. Это я.

– Я вас узнала, – приветливо сказала девушка. Она не приглашала его, и Костя решил проявить настойчивость.

– Мы вроде бы договаривались о встрече, – навязчиво напомнил он об утреннем разговоре с блондинкой. – Так я подъеду?

– Ну, если вы так настаиваете, – уступила девушка.

Костя улыбнулся, прижимая телефонную трубку. Настаивает ли он? Ну и глупышка ему попалась. Не часто такую наивную встретишь. Вот это уже нормальный разговор. Привык, когда девушки уступают. И эта красотка только на вид неприступная. А в сущности, обыкновенная баба со своими слабостями, о которых он при встрече постарается узнать.

– Да. Я настаиваю, – заявил Костя.

И блондинка окончательно сдалась. Назвала адрес. Это было не так-то близко, от дома где он жил. Но Фому удаленность не смутила. Не пешком же он туда попрется, а на машине добраться, раз плюнуть, если, конечно, не придется торчать в пробке.

– А я думал мы соседи? – пошутил он, не забыв поинтересоваться, каким образом утром красотка очутилась возле его дома.

– Я приезжала в ваш район по делам, – уклончиво ответила девушка.

Хотя Костю не очень-то интересовало, где и с кем она провела ночь. Даже если и с другом. Зато эту ночь они проведут вместе, а на будущее он загадывать не стал.

– Ну так я сейчас подъеду, – сказал он.

– Я вас буду ждать, – весело отозвалась на это девушка.

По дороге Фома заехал в магазин, купил шампанского, хотя сам эту бормотуху не уважал и предпочитал более крепкие напитки. Для себя он взял бутылку хорошей водки.

Рядом с магазином стояла палатка, в которой продавали цветы. Она оказалась как раз кстати. Заглянув в палатку, Фома купил своей новой подруге семь алых роз.

С ними в одной руке и с большим пакетом в другой, он и появился перед Анжелой.

– Это мне? – спросила девушка, с восхищением глядя на цветы.

– Конечно, – ответил Фома, про себя отметив, что красотка не избалована как видно мужским вниманием. По крайней мере, его букет произвел на нее такое впечатление, что бери ее и хоть сейчас укладывай в постель.

– Что же мы тут стоим? Проходите в квартиру. У меня правда все скромно, без шика, – призналась несколько смущенно блондинка.

А Фоме шик и не нужен. Он хотел скинуть ботинки, но Анжела отговорила.

– Ну что вы? Не надо. Я и сама в туфлях по квартире хожу. Вот видите, – выставила она напоказ правую ножку.

У нее были длинные стройные ножки. Такие ножки всегда нравились Фоме. Он без стеснения устался на ногу девушке. Да и чего стесняться, если она сама предлагает посмотреть. Посмотрел на розовую туфельку. На одну. Потом на другую. Потом поднял глаза на колени и выше до юбочки.

Догадавшись, что он смотрит на ее ляжки, девушка как будто смутилась, и на ее щеках проступил едва заметный румянец, который подействовал на Фому возбуждающе. Захотелось обнять Анжелу. Для начала погладить руками по спине. Потом опустить их ниже к пояснице. Оттуда на ее попку. Погладить, чувствуя, как под руками проступает узкая полоска трусиков. А потом он избавит красотку от них.

Фоме нравилось раздевать девушек. Это всегда действовало на него посильнее всякой виагры. Но вот так сразу пускать в ход руки он не стал.

Квартира у Анжелы оказалась двухкомнатная. Вторая, меньшая по размеру комната, предназначалась как спальня. Лично Фому устраивало, если бы они с девушкой сразу перешли в ту комнату. Но Анжела привела его в большую комнату. Усадила на диван. Чтобы он не скучал, включила телевизор.

– А я пока позабочусь об ужине, – заявила она Фоме, намереваясь выскочить из комнаты.

Против ужина, Фома не возражал. Спеша на встречу с девушкой, не успел поесть.

– Вот тут я, кое-что захватил, – протянул он ей пакет, в котором лежала большая коробка конфет, бутылка водки с шампанским. Необходимый атрибут для застолья с девушкой.

– Ну хорошо, – улыбнулась Анжела, принимая из рук Фомы пакет. – Я сейчас все приготавливаю. А вы пока не скучайте, – сказала она и упорхнула в кухню с пакетом в руках, оставив Фому одного.

Анжела в кухне погромыхивала тарелками, а Фома, от скуки прошелся по комнате. Постоял возле окна, из которого был прекрасно виден его «Форд» оставленный у подъезда.

Машина стояла на месте, освещенная со всех сторон уличным фонарем.

Фома глянул на нее и отошел. Заглянул в спальню. Обстановка в квартире и в самом деле была не шикарная. Но Фоме на это по большому счету наплевать. Стоящая в спальне широченная кровать, на которой можно спать вчетвером, ему понравилась. Он подошел, сел на нее, проверяя упругость.

Напротив кровати, у стены, стоял здоровенный под потолок гардероб с большим зеркалом. Он тоже Фоме понравился. Точнее, его зеркало. Можно трахаться с блондинкой и при этом видеть себя в зеркало, как в порнофильме. Такое тоже Фому возбуждало.

Дверь у гардероба была чуть приоткрыта. И это Фоме показалось несколько неуместным. А еще он почувствовал, что оттуда как будто потягивает запахом курава.

Уж не любовника ли там Анжела спрятала? Эта мысль вызвала в нем желание, тихонечко открыть дверь и посмотреть. Он так и хотел сделать. Уже взялся за дверь, и вдруг в комнате появилась Анжела.

– Вот вы где.

– Да я это... – Фома замялся. Получилось некрасиво, как будто он воспользовавшись тем, что хозяйка в кухне, решил обшарить квартиру.

– Пойдемте, – позвала его Анжела.

Фома облегченно вздохнул, что не требуется никаких объяснений. А то ведь как назло ничего подходящего в башку не идет.

– Садитесь, вот сюда, – кивнула Анжела на угловой диван, стоящий по другую сторону стола. Сама села на стул.

Фома взял бутылку с водкой, потряс в руках и привычным движением свинтил пробку. Рюмка, другая не только не повредит, а наоборот, поднимет тонус.

– Сейчас мы по рюмочке... – он уже хотел разлить водку, но увидел на лице Анжелы недоумение, причина которого прояснилась тут же.

– Костя, вы же не помыли руки, – укорила девушка Фому.

Фома посмотрел на свои лапицы. Вообще-то, он мог обойтись и без этого.

– Что вы? – возмутилась красотка. – Садиться за стол и не помыть руки, это не прилично, – немедленно последовало замечание.

Фома считал себя человеком приличным.

– Ну да. Все правильно, – согласился он. Дома он часто мыл руки на кухне, но тут решил как и подобает, воспользоваться ванной.

– Ванна прямо по коридору и направо, вторая дверь.

– Разберусь, – буркнул Фома, выходя из кухни.

Стоило ему выйти, как Анжела тут же схватила свою сумочку, висевшую на спинке стула, раскрыла ее, достала маленький пузырек с прозрачной жидкостью.

Прислушиваясь к тому, как в ванне вода течет из крана, она выплеснула из бутылки немного водки в раковину. Потом из пузырька вылила в бутылку всю жидкость, что была в нем. Подняла бутылку на уровне лица, посмотрела.

Водки в бутылке стало на немного больше, чем было. Это Анжелу не устраивало. Надо бы отлить ее, но на это не было времени. Она услышала, что Фома вымыл руки и уже возвращается. Секунда другая и он войдет в кухню.

Потянувшись к тарелке с форелью, Анжела как будто нечаянно локтем задела бутылку и она упала на стол. Причем, произошло это в тот момент, когда Фома уже вошел.

– Ой, – ойкнула Анжела, сделав испуганный вид, тут же подхватила бутылку, но часть водки растеклась по скатерти. – Неуклюжая. Я нечаянно уронила ее.

Фома сдержанно махнул рукой.

– Пустяки. В крайнем случае я могу сгонять в магазин и купить еще, – решил он показать свою щедрость.

Анжела сконфузившись, покачала головой.

– Костя, вам никуда гонять не надо. По-моему, вам хватит и того, что осталось в бутылке. К тому же, пролилось ее совсем немного.

– Конечно хватит, – согласился Фома. – Я же не пьяница. А это, – показал он на бутылку, – за знакомство. По пять капель.

Анжела от водки отказалась.

– Нет, я лучше шампанского. Водку я не пью, – сказала она.

Фома возражать не стал. В конце концов, это ее личное дело. Он откупорил шампанское, наполнив ее бокал шипящим напитком. Себе налил рюмку водки.

– Ну, за знакомство. В том, что судьба свела нас, есть некий знак, – произнес он фразу, запомнившуюся из недавно просмотренного фильма по телевизору. В нем было все: стрельба, поножовщина, много пролитой крови, но больше всего Фоме понравилось то, с каким мастерством авторы показали любовь девушки к бандиту. Эту фразу исходила от героини фильма, когда она объяснялась бандиту в любви.

– Очень хорошо, – заулыбалась Анжела. – Давайте за это и выпьем. – Она поднесла свой бокал к губам, сделала пару глотков и поставила бокал на стол.

Фома мелочиться не стал, рюмку опустошил в один глоток. И все, что он успел сделать дальше, это только произнести:

– Ну, и дрянь... – и тут же уронил голову на стол, едва не разбив лбом тарелку с ломтиками сыра.

Минуту или чуть больше, Анжела неподвижно сидела на своем стуле, потом, желая удостовериться, что Фома не притворяется, позвала его:

– Костя?! Что с вами?

Фома не ответил. Тогда девушка встала, схватила его волосы, подняла голову.

Глаза у Фомы были закрыты. Она разжала руку, и Фома опять уронил голову на стол.

– Можешь выходить, – бросила Анжела в темный коридор, и тут же во второй комнате предназначенной под спальню, послышалось скрежетание открываемой двери гардероба. Потом тихие шаги, и в кухню вошел тот самый мужчина Дима, который утром сидел за рулем «Вольво». Только на этот раз он выглядел каким-то напряженным. Или чересчур уж озабоченным. Анжела так до конца и не разобрала.

– Ты чего такой? – спросила она.

– Я едва не задохнулся в твоём ящике, – сказал он девушке, как будто обвиняя ее в чем-то. – Да еще этот, – кивнул он на спящего Костю Фомина, – чуть не обнаружил меня. Подошел и уже хотел открыть дверь. Вовремя ты вошла в комнату. А то бы у нас все сорвалось. – Заметив с каким невозмутимым спокойствием девушка смотрит, он проговорил: – Ладно. Не будем терять понапрасну время. Сейчас я вытащу его на улицу. Он ведь на машине приехал?

– Да. Черный «Форд». Он стоит возле подъезда.

– Ты пока не выходи. Я усажу его в машину. Потом выйдешь ты, – сказал Дима, для начала пошарив у Фомы в карманах.

Ключи от машины с брелком лежали в правом кармане брюк. Дима взял их, подержал на ладони, потом сунул к себе в карман.

– Иди, отопри мне дверь, – сказал он Анжеле и чуть присев, взял Фому за правую руку, забросил ее себе на плечо. Взяв его на себя, поволок к двери.

– Тяжелый кабан, – пыхтя от натуги, проговорил он и вместе с Фомой вышел на площадку.

Время терять было нельзя, поэтому Дима не стал тратить драгоценные минуты на передышку. Придерживая Фому, чтобы тот не упал и не разбил себе до крови лицо, стал спускаться с ним по лестнице. Когда уже они были на площадке второго этажа, дверь подъезда открылась и с улицы вошла дама лет шестидесяти в плюшевой шляпке и с зонтиком в руках. Через толстые стекла очков она сначала уставилась на седоволосого Диму, потом на Фому, который самостоятельно не мог стоять на ногах и осуждающе покачала головой.

Глядя с каким презрением она это делает, Дима улыбнулся и сказал:

– Молодежь. Не умеют пить. Вот и результат.

Старушка не нашлась чего-либо ответить, или не захотела, обошла обоих сторонкой и быстренько побежала вверх.

Дима плюнул с досады.

– Вот принесла ее нелегкая. Не спится старой ведьме. – Он подхватил Фому и поволок дальше, вниз по лестнице.

Очутившись на улице, он открыв переднюю правую дверь, и швырнул Фому на сиденье. После этого вытер пот со лба.

– Ну ты – кабан, – сказал он Фоме. Но тот ничего Диме не ответил. Уткнулся подбородком в грудь.

Обойдя машину, Дима открыл переднюю левую дверь и уселся за руль. Достал из кармана тонкие перчатки из черной кожи, одел их на руки и только после этого открыл бардачок, набитый аудиокассетами. Внизу под ними, нашел пистолет «Макаров». Посмотрел, есть ли в нем патроны и какие. Ведь Анжела могла и ошибиться. Но она не ошиблась. Пистолет был заряжен самыми что ни на есть боевыми патронами.

– Это даже очень хорошо, – тихонько проговорил Дима, и убрав пистолет себе в карман, достал мобильник, набрал номер Анжелы. Когда она ответила, сказал все тем же тихим голосом:

– Ты можешь выходить. Все в порядке.

Ждать ему пришлось недолго. Было такое ощущение, что девушка слетела с пятого этажа буквально на крыльях. Он только успел положить в карман свой мобильник и завести машину, как Анжела уже выскочила из подъезда и запрыгнула на заднее сиденье.

– Только постарайся ничего здесь не лапать, чтобы не оставить свои пальчики, – строго предупредил он девушку.

– Поехали отсюда, – в ответ прошипела та. Анжеле очень не нравилось, что Фома оставил машину под фонарем. Жители подъезда наверняка видели ее, а это совсем не нужно было, по крайней мере, для самой Анжелы.

– Ну чего ты стоишь? Я говорю, поехали, – раздраженно и довольно громко проговорила она.

Дима обернулся, посмотрел на девушку.

– Не суетись. Мы уже едем, – произнес он с завидным спокойствием.

А вот у Анжелы, в отличие от него, нервы сдавали. Даже пробирал легкий озноб. Хорошо, что Дима не мог видеть сейчас, как у нее мелко подрагивали руки. Она боялась и все время мысленно повторяла: вдруг у них не получится и что тогда? На этот вопрос она не находила ответа, а спросить об этом Диму, не решалась. Ему не понравится, если она будет сомневаться.

* * *

Они остановились рядом с гостиницей. Дежуривший возле входа молодой охранник в черном строгом костюме, скучающим взглядом глянул на подъехавшую иномарку и отвернулся. Да и что в ней интересного. Сюда и покруче «тачки» подъезжают. Сидящую за рулем Анжелу за тонированным стеклом он не разглядел.

Перед тем как подъехать к гостинице, Дима поменялся с Анжелой местами. Она села за руль, а он на заднее сиденье. И теперь сидя за блондинкой, внимательно всматривался во всех, кто выходил из стеклянных дверей здания гостиницы.

До оговоренного для встречи с иностранцем времени, оставалось всего пару минут. И Анжела почувствовала, что руки у нее дрожат еще сильнее. Рядом откинувшись на спинку сиденья, развалился Фома. Анжела даже не думала сейчас, живой ли он. Может окачурился от передоза. По крайней мере, за всю дорогу он не подавал признаков жизни. Хотела об этом сказать Диме, обернулась и увидев в его правой руке пистолет, вздрогнула так, что ударилась левым плечом об руль.

– Спокойно, девочка, – посоветовал ей Дима. – Не делай резких движений.

– Какое тут к черту спокойствие. Надеюсь, ты не собираешься в него стрелять прямо здесь? – обеспокоено спросила девушка, не сомневаясь, что Дима способен и такое.

На тонких губах Димы появилась улыбка.

– А почему бы и нет? Если он не захочет сесть к нам в машину.

– Ты с ума сошел? – Анжела закрутила головой по сторонам. – Здесь кругом люди. Нас заметут в ментовку.

– А вот, чтобы такого не произошло, теперь все зависит от тебя. Во-первых, тебе надо успокоиться. А, во-вторых, мило улыбаться. Понимаешь меня? Он должен сесть к нам в машину, – придав голосу некоторую злость, произнес Дима.

Анжела отвернулась.

– Хорошо. Я постараюсь, – сказав это, она глянула на стеклянные двери гостиницы и добавила шепотом: – Вон он.

Из дверей вышел невысокого роста плотного телосложения человек.

– Улыбайся, – тихо сказал девушке Дима, вжимаясь в спинку сиденья и пряча голову, чтобы вышедший раньше времени не заметил его.

Анжела заставила себя улыбнуться. Хотя это далось не просто. Ей было страшно. И оттого личико сделалось бледным. Чуть опустив стекло, чтобы иностранец мог ее разглядеть, она позвала Пита, помахав при этом рукой:

– Хелло, мистер Пит.

– Здравствуйте, – произнес в ответ Пит и тоже помахал рукой.

Она нервно заерзала на сиденье, глядя, как этот проклятый иностранец не торопится. И вообще, сядет ли он в машину. Вдруг позовет ее к себе в номер. Тогда все сорвется.

Возможно предчувствие подсказывало иностранцу не торопиться. Он стоял на ступеньках, словно решая, стоит ли ему подходить и садиться в машину. И наблюдая за ним, Дима процедил сквозь зубы:

– Почему он не подходит?

– Откуда я знаю, – зло ответила Анжела.

– Сделай же что-нибудь. Его надо заманить сюда. Понимаешь? Чтобы он сел в машину.

Анжела промолчала. Не стоило Диме повторять то, о чем уже было переговорено по меньшей мере раз десять. И она не маленькая девочка соплюшка. Сама все понимает. Теперь же оставалось гадать, что так настораживает Пита. Этот заграничный мерин как будто чувствует что-то неладное и не торопится подходить к машине. И нет гарантий, что он вообще сядет к ним в «Форд». Вдруг он предпочтет вызвать такси и предложит ей оставить «Форд» здесь на стоянке. Надо было что-то делать. Заманить его.

Она была в короткой юбочке. Любила выглядеть соблазнительно. Вспомнив, как Пит тарасился на ее ножки, задрала юбку еще выше едва ли не до пояса и открыв дверь, грациозно выставила левую ногу на асфальт.

– В чем дело, Пит? – спросила она с улыбкой.

Ее соблазн подействовал. Пит плотоядно глянул на ее ножку от самой туфельки и выше, улыбнулся широко и быстро стал спускаться по ступенькам к поджидавшей его машине.

– Просто я немного задумался, – сказал он, подходя. – Дела, знаете ли, – пустился Пит в извинения.

Когда он подошел к машине, заднее левое стекло в двери быстро опустилось и в проеме показалась рука с пистолетом.

Пит замер и посмотрел, но не на направленный ему в лоб пистолет, а на Анжелу.

– Ну что же вы медлите, Пит? Почему не садитесь? – спросила девушка.

Дима открыл для Пита заднюю левую дверь.

– Садись. Тебя, дама просит, – сказал он Питу.

– Еще там, – кивнул иностранец назад на двери гостиницы и заговорив на этот раз безо всякого акцента, – я засомневался, откуда у обыкновенной уличной проститутки может быть такая роскошная машина...

– Так вы не иностранец? – откровенно удивилась Анжела.

Пит не ответил, молча усаживаясь на сиденье, посмотрел на развалившегося на переднем сиденье Фому. Страха в его глазах не было, скорее обреченность.

– Он такой же иностранец, как и я, – усмехнувшись, сказал Дима и велел Анжеле немедленно трогать. – Хватит нам здесь торчать.

– Куда ехать? – спросила Анжела, отъехав от гостиницы. Они мчались по проспекту Мира в сторону Ярославского шоссе и Анжела уже решила, что Дима собирается вывезти этого Пита за город, но когда они подъехали к мосту через Язу, он вдруг велел ей остановиться.

– Дальше никуда ехать не надо. Мы с мистером Питом прекрасно поговорим здесь, на берегу этой речки, – сказал Дима.

Анжела думала, что сейчас они с Питом выйдут из машины, но получилось все наоборот. Выйти пришлось ей.

– Прогуляйся, – сказал ей Дима.

Анжела поняла, он не хочет, чтобы она присутствовала при их разговоре. Ну и пусть. Ну и пожалуйста. Во всяком случае, она свое дело сделала и неплохо. Уговор был заманить мистера Пита, и Анжела с этим прекрасно справилась. Хотя для того, чтобы это все получилось, сначала надо было Питу понравиться.

Неделю назад Дима приехал к ней на квартиру, которую она снимала. Сначала они посидели, выпили коньячку и потом он час целый трахал ее как хотел. И лишь когда насытил свою плоть, заговорил о деле.

– Ты должна познакомиться с одним человеком, – сказал он, лежа на кровати голышом. Своей наготы перед Анжелой он не стеснялся. Хотя по большому счету ему стесняться было нечего. В свои пятьдесят шесть, он выглядел еще довольно неплохо. По крайней мере, отвислого живота, как это бывает у мужчин в его возрасте, Дима не имел. Зато имел кое-что другое. И этим его природа не обидела. Анжела даже удивлялась иной раз, откуда у мужика его возраста берутся такие силы. Но спрашивать об этом у самого Димы не решалась. Зато спросила о другом:

– Мне что, надо его соблазнить и переспать с ним?

Покуривая сигарету, Дима равнодушно пожал плечами.

– Это уж ты как хочешь. Но ты должна сделать все возможное и невозможное, чтобы я с ним встретился.

– Вот новости, – Анжела хмыкнула. – Почему бы в таком случае тебе самому с ним не встретиться?

– Не думаю, что он хочет со мной встретиться. И вообще, если бы все было так просто, на фиг бы ты мне сдалась, – проговорил он и тут же поняв, что хватил лишнего, сказал: – Не обижайся. Это я так. Пошутил.

Анжела сидела на постели, прикрывшись простыней и обхватив руками колени, задумчиво смотрела в окно. Обидеться не обиделась, но слышать такое от мужчины с которым только что занималась любовью, мягко говоря не приятно. А вернее – противно. Но ради своего будущего, стоило потерпеть. И она спросила:

– А он кто, этот человек?

– Кто он, тебе знать совсем не обязательно. Могу лишь сказать, что он живет в Англии. После завтра прилетает в Москву. Поэтому мы с тобой поедem в аэропорт. Я покажу тебе его. Ну, а дальше уж ты сама действуй. Очаруй его. У тебя это здорово получается.

Анжела отвернулась, ничего не ответив.

Заметив на лице девушки недовольство, Дима придвинулся ближе и обняв ее, участливо проговорил:

– Ну не сердись на меня. Пожалуйста. Ведь ты же тоже как и я хочешь жить хорошо и не здесь. Правильно?

Анжела и на это не ответила. Да и к чему пересказывать по несколько раз то, о чем уже переговорено. Об общем, что их связывало, кроме постели. Дима как и она тоже мечтал уехать из страны.

– А без денег кому я там нужен. Да и ты, – рассудительно заговорил он.

Анжела с ним была согласна. Более того, даже могла добавить, что без денег она и тут никому не нужна. Хотя, как говорится Бог красотой не обошел. Дима ей предложил неплохие деньги за услугу, если она станет ему помогать в каких-то поисках. Но толком не объяснил, чего собирается искать. Сказал лишь, что она должна делать все, что он скажет и не задавать лишних вопросов.

– Всего лишь одно небольшое дельце надо провернуть, чтобы на жизнь хватило, – сказал он как-то ей.

– Я готова тебе помочь. Деньги мне тоже нужны. Я ведь тоже хочу уехать отсюда навсегда, – сказала ему на это Анжела. Причем, все это было сказано с такой искренностью, что Дима поверил ей.

– Если будешь мне помогать, я тебе заплачу столько, что ты сможешь уехать куда пожелаешь. Будешь жить и ни в чем не нуждаться. Только одно условие...

– Какое? – спросила тогда Анжела.

– Не подведи меня, – сказал он ей.

– Я не подведу, – пообещала Анжела.

И теперь вспомнив о том своем обещании, сказала ему:

– Хорошо. Я сделаю все, что ты захочешь.

– Да мне много от тебя и не надо, – заверил ее Дима. – Мне нужен этот англичанин во как, – провел он ребром ладони по горлу. Я не могу тебе всего рассказать. Пока... – замялся он.

Раз так, Анжела решила не настаивать.

– Не надо.

– Поверь. Он очень важная фигура.

– Тогда можешь считать, что я с ним уже познакомилась, – весело сказала Анжела и вскочив с постели, побежала в кухню, чтобы сварить кофе.

* * *

В аэропорт они приехали утром за два часа до посадки самолета, на котором должен был прилететь англичанин. Походили, осмотрелись.

Глядя на скопище машин такси, Дима сказал Анжеле:

– Наверняка отсюда он поедет на такси.

Анжела не ответила, потому что не думала на этот счет ничего. Во всяком случае сейчас ее мало заботило как и на чем будет из аэропорта добираться этот английский мистер.

В отличие от Анжелы, у Димы появился четкий план, как ей познакомиться с англичанином. И сейчас он решил рассказать Анжеле о своем плане. Поэтому посмотрев на девушку довольно внимательно, Дима сказал:

– Хорошо бы тебе с ним сесть в одну машину. Пока едете от аэропорта, ты могла бы с ним пофлиртовать. А?

Анжела молчала, и не вытерпев, Дима спросил:

– О чем ты думаешь?

– Как сесть с ним в одну машину, – отрывисто ответила девушка, наблюдая за тем, как заходит на посадку очередной авиалайнер. – Если не ошибаюсь, по времени это как раз тот самолет, – сказала Анжела.

Дима глянул на часы.

– Да. Ты права. Кажется, наш мистер прилетел. Теперь нам главное не просмотреть его. Анжела вздохнула. Дима был прав. Хотя ей глазеть на лица прилетевших бес толку.

Все равно этого англичанина она не знает.

Ждать им пришлось по меньшей мере минут сорок, прежде чем из дверей аэропорта вышел интересующий Диму англичанин мистер Пит.

– Так его звать, – сказал Анжеле Дима. Но ты не должна его так называть до тех пор, пока он сам тебе не представится. Может быть представиться другим именем.

– Да какая мне разница, – буркнула в ответ Анжела. Лично ей было все равно, как его звать. Она даже может к нему обращаться, как к человеку без имени. А сейчас она пристально вглядывалась в невысокого широкоплечего человека с большой сумкой в руке, на которого ей указал Дима.

– Вот он.

Он вышел из дверей здания аэропорта и остановившись, стал оглядываться по сторонам, словно искал кого-то, кто должен бы его встретить. Особенно как видно его интересовало то, с каким азартом толпа прилетевших, хлынула к стоянке такси. Но он не последовал за толпой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.